

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

49

СОДЕРЖАНИЕ

Протоиерей Д. Константинов. Дело святого Владимира	1
Э. Оганесян. К событиям в Нагорном Карабахе	3
В. Пирожкова. Какие противоречия? Неантагонистические или все же антагонистические?	11
Протоиерей Д. Константинов. Советские атеисты о Храме Христа Спасителя	19
Томас Мянвич. Гибь: вновь открытые преступления НКВД в Польше	22
Протоиерей Д. Константинов. Свидетельство обвинения	37
В. Пирожкова. Потерянное поколение	23
Ирина Сабурова. Стихи	26
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	28
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	36
Валентин Зарубин. Антикоммунистическая книга русского писателя-монархиста из СССР	42
Выступление И. В. Огурцова	45
Прожектор	46
Письмо в редакцию	47
Информация	48

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№49

Июнь 1988

Мюнхен

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ДЕЛО СВЯТОГО ВЛАДИМИРА

В конце 1987 года московский журнал "Наука и религия" (№11, 1987) напечатал интервью председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР К. М. Харчева, данное им представителю указанного антирелигиозного журнала. Интервью в основном было посвящено теме — как отражается так называемая перестройка в отношениях государства и Церкви, атеистов и верующих советских граждан. Среди вопросов, затронутых в интервью, фигурировало и 1000-летие Крещения Руси, названное в данном случае "введением христианства на Руси". Термин более чем сомнительный, но закономерно-оборонительный для советских атеистов. Харчев высказывается по данному вопросу достаточно определенно, но одновременно строит свой ответ по принципу "и нашим и вашим".

"Дату эту я бы не стал причислять к числу общенародных празднований. Это праздник ряда христианских конфессий, существующих в нашей стране, Русской православной церкви. Было бы ошибкой отрицать позитивную роль православия в расширении политических и культурных связей Руси с Западом, развитии письменности, архитектуры, живописи. Церковь сыграла свою роль в становлении централизованного государства, неоспоримы заслуги отдельных ее представителей в делах патриотических".

Харчев признает положительную роль Православия в истории России, но, выполняя соответствующие директивы, данные ему, продолжает настаивать на ограниченном, чисто конфессиональном значении приблизившегося юбилея. Таковы партийные директивы периода перестройки, относящиеся непосредственно к празднованию 1000-летия Крещения Руси.

Вернемся теперь к более раннему периоду современной истории РПЦ. Перенесемся в 1960 г., в помещении Кремлевского театра, в котором 15—16 февраля проходила Конференция советской общественности за разоружение. На этой конференции выступал

святтейший патриарх Алексий (Симанский), произнесший свою историческую речь о значении Православия для России.

Можно по-разному относиться к патриаршеству владыки Алексия, но из всех трех патриархов он был наиболее независимым, а его речь 1960 года была разорвавшейся бомбой, после которой надо было ожидать его немедленного смещения и в лучшем случае ссылки. Но власть по многим причинам его не тронула, хотя его слово вызвало возмущение номенклатуры, находившейся в Кремлевском театре, привело ее в ярость.

Патриарх сказал:

"Моими устами говорит с вами Русская Православная Церковь, объединяющая миллионы православных христиан — граждан нашего государства...

"Как свидетельствует история, это есть та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала устройству гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи, утверждала гражданскую правоспособность женщины, осуждала ростовщичество и рабовладение, воспитывала в людях чувство ответственности и долга и своим законодательством нередко восполняла пробелы государственного закона.

"Это — та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и донныне являющиеся гордостью нашего народа.

"Это — та самая Церковь, которая в период удельного раздробления русской земли помогала объединению Руси в одно целое, отстаивая значение Москвы как единственного церковного и гражданского средоточия русской земли.

"Это — та самая Церковь, которая в тяжкие времена татарского ига умиротворяла ордынских ханов, ограждая русский народ от новых набегов и разорений".

Патриарх Алексий вспомнил и роль РПЦ в укреплении народного духа в годы лихолетья, напомнил о том, как Церковь поддер-

живала всегда чувство национального достоинства и нравственной бодрости, как она служила русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков. Речь патриарха Алексия неопровержимо свидетельствовала о том, что РПЦ — явление духовно-национальное, имеющее всенародное значение.

Харчев в своем интервью повторил вкратце то, что говорил патриарх свыше двадцати лет назад, но выводы из этого сделал совершенно невообразимые, продолжая повторять партийные догмы о конфессиональном характере приближающегося юбилея. Власть начисто отвергает народно-государственное значение РПЦ и всей православной культуры, искусственно спекулируя на мифе о "введении" христианства на Руси. Отвергая всенародное значение дела святого князя Владимира, диктатура снова пытается исказить русскую историю в угоду своим атеистическим мифам. А между тем дело святого равноапостольного князя Владимира, т. е. Крещение Руси, тысячелетний юбилей которого мы отмечаем, продолжает жить в России и имеет сейчас бесспорные перспективы для своего развития и роста. Можно смело утверждать, что дело св. Владимира в современной России не только живо, но и получило совершенно новые импульсы своего развития, принимает новые формы в соответствии с той обстановкой, которая реально существует в стране в конце восьмидесятых годов.

Мы можем с полной уверенностью сейчас утверждать, что российский народ, несмотря на семидесятилетнюю богоборческую диктатуру, совершенно отчетливо несет в самом себе залог своего духовного освобождения и этим залогом является именно дело святого Владимира. Этим залогом духовного освобождения нашего народа является его все возрастающая религиозность, идущая тернистым путем жертвенного смирения, сочетаемым с возрождением Православия. Трезвая оценка действительности приводит нас к выводу о том, что хранителем нашей веры и нашей церковности явно становится российский народ, и центр тяжести Православия, независимо от наших желаний или нежеланий, перемещается с запада на восток. Разговоры о том, что хранительницей истинного Православия является российская эмиграция, к концу восьмидесятых годов приходится отставить. Российская политическая и религиозная эмиграция свою религиозную роль выполнила и передала духовную эстафету своему народу, отойдя в царство вечности. На этом едва ли приходится ставить точку, но роль оставшейся российской политической эмиграции сейчас несколько изменилась. Она в своей лучшей части стала помощником своего народа на путях воцерковления России. И глубоко и

непоправимо ошибаются те, кто пришел на запад без Бога и без родины, полагая, что именно они являются ведущей силой зарубежной Руси. Ошибаются, ибо Бог поругаем не бывает...

Для нас основной задачей является пока пристальное изучение тех процессов нового религиозного становления нашего народа, его нового воцерковления, которое медленной и легкой поступью идет по нашей много-страдальной земле, напоминая шествие тех неземных одухотворенных фигур, которые явились символом святости в русской живописи. И не "Крестный ход" Репина, не пасхальные этюды Маковского, а утренние прозрачные туманы Левитана, его кроткая природа, в сочетании с неземными фигурами духовного провидца Нестерова, характерны для нового воскресения дела св. Владимира на Руси.

А если перевести то, что здесь говорится, на язык литературных форм, то характерным для нового российского религиозного ренессанса явится "Иоанн Дамаскин" А. Толстого, титан религиозной мысли — Н. С. Лесков, "Доктор Живаго" Пастернака, "Дмитрий Донской" Юрия Лошвица, "Плаха" Ч. Айтматова и многое другое, о чем невозможно вспомнить в одной короткой статье.

"Откуда начну плакати окаянного жития моего деяний" — так начинается великий канон преподобного Андрея Критского. Где и когда возник плач российского народа о своем подлинном окаянном житии? Когда он вырос в новый тяжкий подвиг своего религиозного восстановления и воцерковления? Почему вдруг идейно-закаленная комсомолка хочет, чтобы ее новорожденный сын был назван "по-человечески" и чтобы он был, "как полагается", окрещен священником и получил христианское имя, как у всех "нормальных людей". Почему секретарь комсомольского заводского комитета, молодой парень, женится и не только в загсе, но, не обращая внимания на угрозу исключения из комсомола, венчается со своей невестой в церкви. Почему и откуда (именно откуда) это пошло, что советская молодежь, хотевшая штурмовать небо, чтобы разогнать на нем "всех богов", зараженная религиозным индифферентизмом и атеизмом, кричавшая на всех перекрестках "долой, долой попов!", изменила к ним вдруг свое отношение и пошла в церковь и на религиозные семинары, обсуждая свои новые мировоззренческие проблемы? Почему молодой священник, теоретически зараженный конформизмом, которым его напичкали в семинарии, вдруг взрывается и не допускает в алтарь номенклатурную дамочку из Совета по делам религий, пришедшую "обследовать" этот храм неизвестно по какому поводу? Это стоит ему потери

т. н. регистрации, но это обстоятельство, смущавшее и пугавшее многочисленное советское духовенство, его не смутило. Время пугания очевидно отходит в небытие и заменяется чем-то другим, опять-таки почему? Совсем не потому, что этого хочет власть, а по совершенно другим причинам. Подходят времена и сроки, и никогда не было в России в текущем столетии столь благоприятной духовной обстановки для нового расцвета православной веры, какая создалась к 1000-летию крещения Руси. Это не парадоксы, а реальность, невидимая теми, кто не хочет видеть и продолжает барахтаться только в своей земной юдоли.

И пусть не смущает нас тот путь безграничного конформизма, которым идет Московская патриархия, возглавляющая РПЦ. Сроки подходят, и настанет момент, когда руководителями Русской Церкви станут люди иных взглядов и иных настроений. Они это и сами знают, но продолжают крутить фильм, к которому привыкли, хотя он сейчас и отталкивает от них миллионы людей. Что им миллионы верующих, если их поддерживает и лелеет номенклатура? Так ли это? Ведь они не могут не помнить о бесконечных

зигзагах политики партии, в результате которых они могут в один прекрасный день остаться "непричем". Это тоже реальности, о которых неизбежно надо задуматься в эти юбилейные дни.

Обстановка в дни празднования 1000-летия Руси сложилась по-своему уникальная, и это одинаково относится и к востоку и к западу. И как это ни странно, но имеется несомненная связь между всеми явлениями в мире, и промыслительно никарагуанская, например, резня и неоправданные споры вокруг этой совершенно кристально-ясной проблемы противостоят поднимающейся над Россией крещальной заре, разрешающей все эти спорные земные вопросы в совершенно иной плоскости.

В пасхальную ночь на рассвете многие верующие люди ходят смотреть, как по народному поверью солнце "играет" в этот день. 1000-летие Крещения Руси — это Пасха России, возвещающая о ее грядущем духовном воскресении. Солнце обновления восходит над великой страной, радуясь и веселясь, и по всей России звучат слова пасхального песнопения — "Воскресения день, просветимся, людие..."

Э. ОГАНЕСЯН

К СОБЫТИЯМ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

Историческая справка.

Нагорный Карабах как административная область известен со времен Урарту. Под названием Арцах, или по урартински Ардахуни, он входил в состав государства Урарту, после падения Урарту под тем же названием вошел в состав Армянского государства династии Ервандуни. По сей день Нагорный Карабах по армянски называется Арцах.

Во втором веке до Р. Х. Арцах был населен армянами и был центром армянской культуры. В первом веке до Р. Х. Арцах вошел в состав Великой Армении Тиграна Второго и по свидетельству Страбона имел сильную армию и развитую экономику.

В 4 веке после Р. Х. основоположник христианства в Армении Григорий Просветитель основал в Арцахе первую церковь и Арцах стал центром христианской культуры.

В 7 веке, после падения армянского царства Персия включила Арцах в состав своей империи как автономную провинцию со значительным самоуправлением.

После нашествия сельджуков Арцах был разорен, однако в 12 веке вновь приобрел независимость. Он оставался самоуправляемым и после нашествия монголов, которые впервые Арцах называли Карабахом.

В 17 веке Арцах стал независимым от

Турции княжеством и именно отсюда началась национально-освободительная борьба армян.

В 1805 году Арцах вошел в состав России.

В 1918 году, когда была провозглашена независимость Армении, Арцах входил в ее состав.

29 ноября 1920 года в Армении утвердилась советская власть.

1-ого декабря 1920 года на торжественном заседании Бакинского совета была провозглашена декларация, текст которой был опубликован в газете "Коммунист" 7-ого декабря 1920 года. Текст гласил:

"Всем, всем, всем... С сегодняшнего дня ликвидируются все пограничные споры между Арменией и Азербайджаном. Нагорный Карабах, Зангезур, Нахичеван считаются частью социалистической Армении. Да здравствует братство и союз советских социалистических республик Армении и Азербайджана!"

Эту декларацию подписали председатель ревкома Нариманов и нарком по иностранным делам Гусейнов.

На этом же заседании представитель Москвы Серго Орджоникидзе по поводу декларации сказал: "Это историческое мероприятие, которому нет равного в истории человечества".

Второго декабря Орджоникидзе телеграфи-

ровал Ленину: "Вчера Азербайджан уже провозгласил сдачу Нагорного Карабаха, Нахичевана и Зангезура советской Армении". А 12 декабря Ленин, беседуя с Мравяном и Тер-Габриеляном, с удовольствием отметил, что территориальные споры между Азербайджаном и Арменией получили успешное завершение. Но споры между азербайджанцами и армянами не завершились. За всеми этими событиями зорко следил правитель новой Турции Кемаль Ататюрк, который собирался заключить договор с советской Россией. Для советской России это был первый международный акт, и она стремилась как можно скорее заключить его. Кемаль Ататюрк заявил, что он не желает иметь на границе со своей страной недружественную нацию армян, ту самую нацию, которую предшественники Ататюрка подвергли геноциду всего лишь 5 лет тому назад. Ленин пошел навстречу требованиям Ататюрка, и в марте 1921 года был заключен договор между Турцией и советской Россией, по которому Нагорный Карабах и Нахичеван должны были войти в состав Азербайджана, а западная часть Армении в состав Турции. Так от огромной территории Армении, которая по Севрскому договору была признана всеми великими державами, включая Турцию, осталось 29 тысяч квадратных километров гористой и каменистой территории. В 1923 году Сталин, основываясь на советско-турецком договоре, включил Нагорный Карабах в состав Азербайджанской ССР.

С тех пор кровавые столкновения между армянами и азербайджанцами не прекращались, однако о них стало известно лишь во времена хрущевской либерализации.

Так в 1963 году 2500 карабахцев написали письмо Хрущеву, где просили присоединить Карабах к Армении или, в крайнем случае, к РСФСР. В письме описывались отвратительные случаи зверств азербайджанцев, в том числе убийство армянских детей. В этом районе азербайджанские власти не развивали экономику и делали все, чтобы армяне покидали свою историческую родину. В Нахичеване они добились этого, но карабахцы оказались живучее. С такой же просьбой карабахцы обратились к Брежневу, но и на этот раз их просьба не была удовлетворена.

После прихода Горбачева к власти карабахцы в очередной раз стали собирать подписи в пользу присоединения Карабаха к Армении. За два года было собрано 75000 подписей. Это был своеобразный референдум, в котором приняло участие все взрослое население Нагорного Карабаха. Результаты этого референдума в нескольких томах были направлены в Москву, откуда в конце января этого года пришел отказ со следующей мотивировкой: "Требование о присоединении Нагорного Ка-

рабаха к Советской Армении не соответствует интересам трудящихся Армении и Азербайджана".

В начале февраля в Карабахе началась общенациональная демонстрация и забастовка. Демонстранты распространили среди карабахского населения следующий документ.

"ПРИЗЫВ КАРАБАХЦЕВ К КАРАБАХЦАМ

Наступило время для справедливого решения с ленинских позиций вопроса присоединения Карабаха к Армении. Впервые на протяжении 70 лет этот вопрос стал предметом всестороннего обсуждения в ЦК КПСС. В Центральном Комитете КПСС под руководством Вячеслава Александровича МИХАЙЛОВА создана подкомиссия межнациональных отношений, которая должна заняться вопросом политического будущего Карабаха.

Каждый месяц из Карабаха в Москву направляются делегации, которые удостоиваются теплого приема в ЦК КПСС и в Верховном Совете СССР. Это доказывает, что Советское правительство не желает обсуждать эту проблему.

Все наши коллективные и частные письма с подписями и телеграммы по вопросу присоединения Карабаха к его родине, Армении, направленные в адрес тов. М. С. ГОРБАЧЕВА, призывают к справедливому и правильному его решению.

К сожалению, в результате националистической политики ряда представителей руководящих органов и интеллигенции Азербайджанской ССР (Зия БУНИЯТОВ, Расул РЗА, Бахтияр ВАГАБ-ЗАДЕ, зав. отделом науки ЦК компартии Азербайджана ДАШДАМИРОВ и другие) в ряде районов республики создается нетерпимое положение в области национальных и религиозных отношений, которое может стать причиной нежелательных и непредвиденных конфликтов между двумя братскими народами.

Из достоверных источников известно, что в Степанакерте и в других районах области организуются собрания, в которых участвуют националистически настроенные видные азербайджанские официальные лица. Среди них — заместитель председателя исполкома НКАО ХУСЕЙНОВ, проректор педагогического института ГУЛИЕВ, заместитель прокурора области МАМЕДОВ, заместитель начальника УВД ГАДЖИЕВ, заместитель заведующего отделом пропаганды Обкома партии ИСМАЙЛОВ, заместитель председателя райисполкома Мартунинского района АЗИЗОВ, заместитель главного врача области АБАСОВА, директор азербайджанской школы №4 Степанакерта АЛИЕВ и другие. В Степанакерте, Шуше, Мартуни и в других местах в адрес армян

поступают многочисленные угрозы. Обо всем этом регулярно сообщалось в ЦК КПСС, в органы государственной безопасности АзССР и АрмССР, ответственные работники которых полагают, что нет никакой опасности возникновения столкновений между двумя братскими народами. Мы призываем сохранять душевное спокойствие и равновесие и не менять нашего интернационального отношения к трудящимся Азербайджана, поскольку положительное решение этого вопроса не должно служить основанием для отрицательных последствий.

Карабахцы, судьба нашей области благодаря перестройке, гласности и демократии зависит только от нас.

Настало время для проведения на ведущих предприятиях, колхозах и совхозах области общих партийных, профсоюзных и комсомольских собраний, в повестку дня которых должен быть включен вопрос воссоединения Карабаха с Матерью-Родиной. Дух гласности и демократии должен стать импульсом для открытого и откровенного обсуждения этого вопроса.

Выписки из резолюций этих собраний, заверенные соответствующими печатями (управление, совет, профсоюз), необходимо направлять в ЦК КПСС. Такой опыт уже имеется в Аскеранском и Мартунинском районах, где более двух десятков хозяйств приняли соответствующие решения. Остальные — в стадии принятия. К выпискам из протоколов собраний прилагаются подписи участников собраний.

Соотечественники, активно включайтесь в дело выбора делегаций и командирования их в Москву. Организуйте делегации так, чтобы в них входили коммунисты и комсомольцы, рабочие и крестьяне, служащие, герои и ветераны войны, интеллигенция, студенты и ученики. В селах, в городах, в школах, на ведущих предприятиях создавайте советы, которые должны вести активную работу с народом, поддерживайте постоянную связь с областным центром и действующими в Степанакерте координационными центрами. Мы призываем руководителей партийных, советских, административных, комсомольских, профсоюзных, правоохранительных органов покончить с бюрократизмом, консерватизмом, подавлением общественного мнения, со страхом перед нелепой мыслью, что с положительным решением вопроса можно лишиться защиты. Лучшим примером для нас являются те секретари райкомов и руководители предприятий, которые всегда понимали главную линию политики ленинской партии, которые фактически возглавляют святое дело присоединения Карабаха к Советской Армении и благодаря которым защищается партийный и политический порядок от провокационной

политики некоторых руководителей. Имена этих "горе-руководителей" нам всем известны. Наряду с враждебно относящимися к справедливому решению вопроса руководителями (2-й секретарь Аскеранского райкома МИКАЕЛОВ, ставленник БАГИРОВА) особый вред приносят те люди, которые, сделав немало для сохранения Карабаха как армянского очага, сейчас стоят в стороне (как, например, директор Мардакертского совхоза С. МАМУНЦ). Эти товарищи, искренне желая положительного решения вопроса присоединения Карабаха к Матери-Армении, своим сегодняшним безразличием и пассивностью, неправильно понимая дух времени и не понимая, что история больше нам не предоставит такой возможности, замораживают это дело и тем самым ослабляют общенародное движение.

К сожалению, до сих пор не ясна позиция 1-го секретаря Обкома КЕВОРКОВА, но есть надежда, что сила общенародного движения подтолкнет и его к пересмотру его позиции и он окажется в рядах истинных карабахцев.

Имеются все предпосылки, что ближайшее будущее покажет: наши усилия и конкретная деятельность были не напрасны.

Карабах — неотделимая часть Матери-Армении!

ВЕРИМ, ВЕРЬТЕ!

ЕСАЯН Геннадий, МУРАДЯН Игорь, Саркисян Манвел, САРКИСЯН Слава, САРУХАНИАН Ваче и другие.

КАРАБАХ — 1988 г.

Прочти и передай!"

Демонстрация длилась 10 дней, и вот 20 февраля совет депутатов трудящихся Нагорно-Карабахской области принимает решение о присоединении Нагорного Карабаха к советской Армении и с соответствующим ходатайством обращается в президиумы Верховных Советов СССР, Азербайджана и Армении.

21 февраля это решение было опубликовано в местной газете "Советский Карабах". Одновременно делегация карабахцев 23 февраля прибывает в Ереван, где готовилась массовая демонстрация против строительства химического комбината и за приостановку строительства второй очереди атомной электростанции. В этой экологической демонстрации принимали участие 5000 демонстрантов, но после прибытия карабахцев демонстрация изменила свое направление и превратилась в демонстрацию в защиту решения Карабахского областного совета. Число демонстрантов быстро росло и 24-25 февраля оно достигло 120000. Перед демонстрантами выступил первый секретарь ЦК КП Армении К. Демирчан, который обещал выполнить экологические требования демонстрантов, но требование о присоединении Карабаха к Армении объявил невозможным. Демонстранты его освистали.

25 февраля был снят с занимаемой должности первый секретарь обкома Карабаха Геворков. 25 февраля Католикос всех армян послал Горбачеву телеграмму, в которой просил удовлетворить просьбу карабахцев и одновременно сообщил, что зарубежные армяне послали сотни тысяч писем и телеграмм с той же просьбой.

26 февраля к демонстрантам присоединились еще три города, и их общее число достигло почти миллиона. В тот же день Горбачев обратился к населению Армении и Азербайджана с призывом к спокойствию. Этот призыв зачитали секретари ЦК Лукьянов и Долгих, которые с 23 февраля находились в Армении. Призыв Горбачева в центральных газетах не был опубликован, но полный текст его обращения был опубликован в армянской газете "Коммунист". Там в частности было сказано:

"Дорогие товарищи!

Обращаюсь к вам в связи с событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него. Поднят вопрос о переходе этой автономной области из Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР. Этому придана острота и драматичность, которые привели к напряженности и даже действиям, выходящим за рамки закона. Скажу откровенно, ЦК КПСС обеспокоен таким развитием событий, оно чревато самыми серьезными последствиями. Мы не за то, чтобы уклоняться от откровенного обсуждения различных идей и предложений, но делать это надо спокойно, в рамках демократического процесса и законности, не допуская ни малейшего ущерба интернационалистской сплоченности наших народов. Нельзя отдавать серьезнейшие вопросы народной судьбы во власть стихии и эмоций. Очень важно оценить свои заботы в контексте не только местных условий, но и с учетом развернувшихся в стране процессов революционного обновления".

А центральные газеты писали об экстремистах и националистах, которые якобы провоцировали народ на демонстрации. 26 февраля Горбачев принял делегацию армян в составе поэтессы Сильвы Капутикян и писателя Зори Балаяна и обещал удовлетворить следующие требования.

1. Организовать радио- и телевизионные передачи в Нагорно-Карабахской области на армянском языке.
2. Перевести Карабахские культурно-просветительные учреждения и школы в подчинение соответствующих министерств Армянской ССР.
3. Восстановить на территории Азербайджана разрушенный армянский город Шуша и другие армянские архитектурные памятники.

Кроме того Горбачев признал, что пресса ошибалась, называя организаторов демон-

страции экстремистами.

По возвращении в Ереван Сильва Капутикян выступила по местному телевидению и от имени Горбачева просила прекратить демонстрации до 26 марта, когда пленум ЦК справедливо решит вопрос Карабаха. Она прибавила, что у Горбачева, мол, много врагов и мы должны ему помочь.

Демонстранты в Ереване решили прекратить свои выступления до 26 марта. Одновременно из Степанакерта (столица Карабаха) стали поступать сведения о погромах, которые чинили над армянами азербайджанцы. А 28-ого февраля погромы начались в Сумгаите. Погромы были весьма жестокими, просто чудовищными.

Рассказывают вещи просто страшные. В советских газетах говорится об этнических конфликтах, но никакого этнического конфликта нет, там была просто самая настоящая резня, в лучших традициях прошлого века, настоящий погром. Погромщики ворвались в родильный дом, поставили "на ножи" главврача роддома и потребовали показать, в каких палатах лежат армянки. Он решил, что все равно найдут списки, установят по фамилии — и показал. Женщинам, которые еще не родили, вспарывали животы, а младенцев хватали за ноги и били об стенку. Выкидывали детей из окон, из жилых домов, одна женщина рассказала, как девочку выкинули из окна, она упала на кусты, на нее сверху шкаф выкинули.

Я спрашивал местных о количестве жертв: официальная цифра 31, неофициальная 350; говорили, что больше, гораздо больше. Такое усредненное мнение — между 500 и 1000. Мне азербайджанец-шофер сказал, что, конечно, гораздо больше, чем 500.

Кладбище там за городом, и в ту сторону не проехать, там войска, поэтому я не смог на кладбище попасть. Я попросил подвезти меня в армянские районы; говорили, там были пожары. Никаких следов незаметно. Там уже все привели в порядок.

Одна женщина сказала, что им на работе говорили: арестовано около 800 погромщиков. В Сумгаите все просили не называть фамилий".

"Русская Мысль" от 4 марта 1988 г. Репортаж А. Гимебурга.

В связи с погромами в Карабах и Сумгаит были введены войска. Здесь нужно отметить интересную деталь. Демонстранты из Еревана сообщили, что из Москвы в Ереван были отправлены специальные молодчики, которые пытались спровоцировать беспорядки. Однако демонстрантам удалось нейтрализовать действия этих молодчиков и демонстрации от начала и до конца носили исключительно мирный характер. И несмотря на это в Ереван были введены десантники и войска.

В Сумгаите тоже происходили странные события. Армянские демонстранты несли портреты Горбачева, а погромщики — портреты Хомейни. В Степанакерте армянская милиция была обезоружена, а азербайджанская оставалась при оружии и даже помогала погромщикам. Это и послужило поводом для ввода войск в Карабах. Более того, когда уже было известно, что в Сумгаите нападению подверглись армяне, Бакинское радио объявило, что убиты только два азербайджанца и назвало фамилии убитых. Создавалось такое впечатление, что официальная пресса искусственно возбуждает страсти азербайджанцев. Некоторые наблюдатели высказывали предположение, что зачинщиком погромов был Гейдар Алиев, поскольку все нынешние руководители Азербайджана ставленники Алиева. Трудно судить, насколько Алиев замешан в этом деле, но что кто-то в этих погромах и беспорядках был заинтересован, сомнений не вызывает.

Очень странные вещи происходили в это время в районах, где живут и азербайджанцы, и армяне. Там очень организованно распространялись листовки, напечатанные в типографии, о том, что азербайджанцы должны уехать в Азербайджан, с предложением им денег, если они уедут, иногда очень больших сумм, с обещанием, что они в Азербайджане получат квартиры и дома. Таким образом неизвестно кем азербайджанцы были переселены в Сумгаит. Из разных мест — частью из Нагорного Карабаха, частью из всех областей Азербайджана, где живет большое количество армян (район Агдама, например). Переехавшие не получили, естественно, ничего, но именно они стали ядром погромщиков.

При этом никого из азербайджанцев никто не тронул, уезжали они абсолютно организованно, из 500 семей, которые уехали, 430 уже вернулись. Но, тем не менее, возбуждало азербайджанцев именно это переселение, неизвестно кем организованное, именно типографские листовки, неизвестно кем напечатанные, именно постоянные выступления по азербайджанскому телевидению. Причем председатель Союза писателей Азербайджана выступал таким образом: "Границы между Нагорным Карабахом и Арменией не охраняются пограничниками, если армяне не хотят жить в Нагорном Карабахе, пусть уходят к себе в Армению". Примечательно, что в день примирительного выступления Горбачева, которое передавалось по азербайджанскому телевидению, в нарушение опубликованной программы телевидения был показан фильм, который называется "Кровавое воскресенье" — о расстреле демонстрации в 1995 году, произведший, в общем, страшное впечатление на возбужденную толпу. Таких деталей много.

"Русская Мысль" от 4 марта 1988 г.

Репортаж А. Гимебурга.

Демонстранты в Армении, видимо, почувствовали закулисные действия заинтересованных лиц и направили в Москву телеграмму следующего содержания.

"Политбюро ЦК КПСС является зачинщиком геноцида армян в Азербайджане. Назвав парламент и население Нагорно-Карабахской АО экстремистами, вы дали сигнал на погром армян. В средствах массовой информации специально умалчивая о насилии над армянами, вы поощряли преступные элементы. На сегодняшний день имеются сотни убитых, раненых и беженцев. Случилось то, о чем указал вам ваш соратник Лукьянов на собрании партактива Армянской ССР, не забывая того, что в Азербайджанской ССР проживает 500 000 армян. Вы превзошли всех своих преемников, вам удалось помимо ЧЕКА мобилизовать несознательные неинформированные элементы и превратить их в орудие и направить против беззащитных людей. Между КОНСТИТУЦИЕЙ и правом на самоопределение ПОЛИТБЮРО выбрало террор и насилие. Вы хотели отвлечь нас от наших насущных проблем и организовать межнациональную вражду, но вам не удалось спровоцировать нас. И хотя мы стали жертвами одностороннего погрома, от имени армянского народа заявляем: что и впредь вам этого не удастся.

6 марта 1988.

Объединение Национального Определения Армении.

Ереван".

Но подлинных авторов событий и их замыслы трудно угадать. Если у Горбачева действительно есть противники и организованная оппозиция, то вероятно, это дело их рук. К этим оппозиционерам относится так же первый секретарь ЦК КП Армении К. Демирчян. Теперь они получили возможность на очередном пленуме ЦК бросить в лицо Горбачеву: "Вот твоя гласность, вот твоя перестройка и демократизация".

В Азербайджанской прессе уже появились статьи о том, что Карабахскую кампанию начал главный экономический советник Горбачева академик Аганбекян, "Бакинский Рабочий" взгляды А. Г. Аганбекяна назвал дашнакскими. Эта партия, как известно, считается в Советском Союзе злейшим врагом советской власти. Аганбекян смолчал.

Если у Горбачева нет реальной оппозиции, а есть только игра в оппозицию, то карабахская кампания может быть полезной тем, кто навязывает Западу идею "добрых" и "злых" советских руководителей. Кажется; Запад склонил на это и, дабы не мешать горбачевской перестройке, смазывает все острые углы в карабахской проблеме.

Существует еще мнение, что русские на-

ционалисты в правительстве спровоцировали этот конфликт, чтобы показать, что русские не виноваты — так как многие национальные движения направлены не только против коммунистов, но и против русских, — а напротив, в очередной раз спасают армян от погромов и играют роль умиротворителей. В Москве в эти дни на каждом шагу можно было услышать: "Что бы вы делали без русских?"

Наконец, возможно и другое. Исламские фундаменталисты очень успешно распространяют свою идеологию на мусульманские народы СССР. Недавно председатель Комитета Государственной Безопасности Таджикистана официально признал, что Ислам находит в республике благодатную почву. Видимо, борьба с этим влиянием требует не только пропаганды, которая в СССР доказала свое бессилие, но и более радикальных мер, вплоть до вооруженного вмешательства в соседние страны. Если эта версия приемлема, то для передислокации войск на Кавказе карабахские события были очень удобным поводом.

Карабахские события в дальнейшем развернулись в следующем порядке.

После прекращения демонстраций в Ереване, демонстрации продолжались в Степанакерте. Новый секретарь Обкома Карабаха Погосян пригрозил расправой. Но демонстранты не сдались. Погосян объявил, что вина за нерешенность карабахского вопроса ложится на бывшее руководство Обкома партии и что проблема будет решаться в оперативном порядке.

Это его заявление 4 марта передал ТАСС.

8-го марта в Ереване состоялось многотысячное траурное шествие в память о погибших армянах во время погромов. Данные о числе жертв колеблются от 500 до 1500.

ЦК КПСС поручил Институту Востоковедения подготовить предложения для пленума ЦК. Когда предложения были готовы, Григорянц показал их иностранным корреспондентам в Москве 12 марта, но зарубежная пресса об этом ничего не написала. Сам Григорянц сообщил, что эти предложения были не в пользу армян. После прессконференции, Шелков, который является единомышленником Григорянца, от сильного удара по позвоночнику в автобусе получил сотрясение мозга.

12 марта из Сумгаита в Ереван прибыли очевидцы погромов. Их приняли в Совете министров АрмССР. После беседы с членами правительства их окружили демонстранты и просили рассказать о событиях в Сумгаите. Сумгаитцы ответили, что им строго запрещено это делать.

Советские посольства в различных странах мира принимали зарубежных армян, обещали решить вопрос, но умоляли не демонстриро-

вать, а уж если выйти на демонстрацию, то только с портретом Горбачева. Наивные армяне так и поступали до тех пор, когда карабахская проблема не вошла во вторую фазу.

Необходимость нового подхода к проблеме была продиктована тем, что события, если они и были кем-то спровоцированы, вышли за рамки предусмотренного и стали неуправляемы. Если против азербайджанских фанатиков за грабежи, убийства и насилия можно было применить силу, то армяне вели себя в рамках дозволенного и горбачевской гласности, и повода для применения против них силы не было. Но такой повод нужно было найти, ибо вся Армения дружно требовала присоединения Карабаха к Армении. Необходимо было придать армянским демонстрациям антисоветский характер и на этом основании задавить их. Кампания в этом направлении началась 17 марта, когда Обком партии Нагорного Карабаха принял решение о включении Карабаха в состав Армении. Трудно поверить, что высший партийный орган области мог бы без предварительных консультаций с вышестоящими инстанциями, в условиях крайней напряженности, принять такое смелое решение. Но, видимо, это нужно было тем, кто искал повода для переоценки событий. Через 4 дня после этого решения "Правда" опубликовала явно провокационную статью под заглавием "Эмоции и разум". В этой статье решения руководителей Карабаха были названы "беспрецедентным случаем в практике межнациональных отношений нашей страны". А мирные армянские демонстрации были названы вылазкой крайних националистов. Против руководителей демонстраций, которых принимал сам Горбачев, был сделан следующий выпад: "Положение использовали люди, пытавшиеся выдвинуть себя в лидеры и вожди своих наций, покрыть собственные амбициозные претензии якобы народным волеизъявлением. Они пичкали слушателей демократической полуправдой, произвольно толковали историю, распространяли нелепые слухи, безответственными заявлениями сеяли искры национальной розни".

Эта статья вызвала в Армении настоящую бурю. По всему городу Еревану моментально прошли собрания, которые единодушно осудили статью в "Правде". На улицу вышли демонстранты с номером "Правды", где перед названием газеты была приставлена приставка "не", т. е. "НЕПРАВДА". Эти события довольно правдоподобно были описаны 22-го марта в вечернем выпуске "Известий". Там в частности было сказано:

"Мы познакомились с материалами очередного заседания, которое провел 19 марта в Ереване в помещении Дома кино т. н. "Комитет Карабах". Почти 8 часов длилось

это заседание. 700 человек слушали ораторов и еще 3000 на прилегающей площади, которая была **радиофицирована**. Выступали главным образом представители интеллигенции — научные работники, писатели, преподаватели. Выступали они не от себя, а от имени армянского народа. И говорили исключительно об интересах своего народа. Чего же они требовали, обсуждая сложные проблемы Нагорного Карабаха?

Требовали провести повсюду на предприятиях митинги, собрания, на которых переизбрать парткомы, профкомы и т. п.; объявить Ереван **"МЕРТВЫМ ГОРОДОМ"** — т. е. не выходить из дома; идти на голодовки и даже объявить Армении **"БЕСПАРТИЙНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ"**. Более того, тут же и выяснили, кто может быть руководителем такой республики, назвав двух присутствующих в зале ораторов — **МУРАДЯНА** и **САФАРИЯНА**, охарактеризовав их как отличных политиков.

КАПУТИКЯН, поэтесса, пытаясь образумить ораторов, призывала не проводить митинг, сообщила, что такого же мнения придерживается профессор МГУ **ЕПИСКОПОСОВ** и **МИКОЯН**, а также члены делегации из Нагорного Карабаха, которые были на приеме у тов. Лигачева. Она зачитала обращение Президента АН Армянской ССР **АМБАРЦУМЯНА** с призывом к спокойствию, чтобы дать возможность инстанциям рассмотреть карабахский вопрос.

Увы, благоразумию не вняли. Тот же **МУРАДЯН**, кандидат наук, руководитель "Комитета Карабах" изложил требования из нескольких пунктов. "Мы ничего не выдумываем и не преувеличиваем, излагаем эти пункты именно так, как они прозвучали в Доме кино", — говорится в статье.

По **МУРАДЯНУ** получается, что нет ничего важнее сейчас, как потребовать от ЦК КПСС прекратить клевету на армянский народ — этот пункт обозначим первым.

По словам **МУРАДЯНА**, армяне Нагорного Карабаха **НЕ ВЕРЯТ НИ В МОСКВУ, НИ В ЦК, НИ В ВЫСШЮЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, НИ В РУССКИЙ НАРОД, НИ ВО ЧТО!** Неужели в поручении Политбюро ЦК КПСС секретариату ЦК КПСС организовать глубокое и всестороннее изучение накопившихся в Нагорно-Карабахской автономной области проблем можно увидеть клевету на армянский народ?

Требования сыпались как из рога изобилия: требовали принять государственную программу о переселении армянского населения в Нагорный Карабах, а также беженцев из Сумгаита. А какая судьба ожидает ту часть населения, которая не армянского происхождения?

Были даже предложения обратиться в

Международный суд в Гааге с обвинением Азербайджанской ССР в аннексии армянских территорий. Требовали принять обращение к правительствам, парламентам и общественным организациям по вопросу трагедии Карабаха.

Представьте, **ЭТИ ПУНКТЫ БЫЛИ ПРИНЯТЫ ПРАКТИЧЕСКИ ЕДИНОГЛАСНО!** В прессе уже сообщалось о той удивительной слаженности, организованности, которые были проявлены на предыдущих митингах. Говорилось о том, что заранее было известно, когда и к какому месту нужно вести людей, какие лозунги скандировать. На заседании, о котором идет речь, можно было убедиться, как это делается. **МУРАДЯН РАЗДАВАЛ ПРЯМЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ МИТИНГА: СОЗДАВАТЬ ОТРЯДЫ ОХРАНЫ, ТЕСНЕЕ СОТРУДНИЧАТЬ С МВД ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ВОЗМОЖНЫХ ПРОВОКАЦИЙ, НЕ ПРИВОДИТЬ НА МИТИНГИ ДЕТЕЙ, СОЗДАТЬ КООРДИНАЦИОННЫЙ СОБЕТ.**

В завершение о средствах: в одной из сберкасс города открыты счета для сбора средств в пользу "Комитета Карабах". Об обстановке, царившей в зале говорит и такой эпизод: когда директор института механики АН Армянской ССР **АГАЛОВЯН** предложил одобрить поручение Политбюро ЦК КПСС секретариату рассмотреть проблемы Нагорного Карабаха, **ОН БЫЛ ОСВИСТАН И СОГНАН С ТРИБУНЫ, ДОСТАЛОСЬ И ПРЕС-СЕ!**

— Много прозвучало слов о гласности, но сошлись на бойкоте армянской прессы. Раньше до нас доходили требования бойкота центральных газет. Видно у иных поборников гласности **ГЛАСНОСТЬ — УЛИЦА С ОДНОСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ**, на которой разрешен проезд только **СВОИМ**.

Решили все-таки не объявлять Ереван "мертвым городом", а провести митинг и признать 26 марта **САМЫМ ВЗРЫВООПАСНЫМ ДНЕМ**. И снова вопиющая безответственность и в словах, и в мыслях: "мы находимся перед катастрофическими событиями", "будем бороться до смерти".

Журналист **БАЛАЯН** хоть и выразил сомнения в результативности принятой программы, но тут же сообщил, что обратной дороги нет, **ЧТО ОБЕЩАННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ ВРЯД ЛИ ДАДУТ КАКОЙ-ЛИБО ЭФФЕКТ!**

Власти как будто этого и ждали. Советская пресса начала кампанию против зарубежных провокационных центров, которые якобы были организаторами карабахских событий. Теперь уже требование армян о присоединении Карабаха к Армении расценивалось как антисоветское требование. Начались аресты членов комитета "Карабах". Почва для оконча-

тельного удара была подготовлена и осталось нанести сам удар.

Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление, в котором выражалась тревога в связи с обстановкой, сложившейся в Нагорно-Карабахской Автономной Области. ТАСС сообщил, что по этому поводу выступил председатель Совета Министров РСФСР, член политбюро Воротников. Участники заседания призвали президиум Верховного Совета СССР принять решительные меры, направленные на соблюдение требования Советской Конституции на территориях Армении и Азербайджана.

Затем президиумы Верховных Советов Казахстана, Литвы, Молдавии, Латвии, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Эстонии приняли постановления по ситуации в Нагорном Карабахе, где содержались призывы к благоразумию и выдержке и в то же время к решительному отпору любым противоправным действиям.

Наконец в Кремле 23 марта под председательством члена Политбюро Андрея Громыко состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, который обсудил проблему Нагорного Карабаха. На заседании выступил генеральный секретарь М. Горбачев. Решение было следующим.

"Рассмотрев обращение ПВС РСФСР, УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ, УЗБЕКИСТАНА, КАЗАХСТАНА, ГРУЗИИ, ЛИТВЫ, МОЛДАВИИ, ЛАТВИИ, КИРГИЗИИ, ТАДЖИКИСТАНА, ТУРКМЕНИСТАНА, ЭСТОНИИ в связи с обстановкой, сложившейся в Нагорном Карабахе, Азербайджанской и Армянской ССР и руководствуясь статьей 81-й Конституции СССР ПВС СССР постановляет:

1. Отметить, что ситуация, сложившаяся в Азербайджанской и Армянской ССР в связи с событиями в Нагорном Карабахе, наносит ущерб народам этих республик и в целом дальнейшему укреплению дружбы народов СССР как единого союзного многонационального государства. Признать недопустимым, когда сложные национальные территориальные вопросы пытаются решать путем давления на органы государственной власти, в обстановке нагнетания эмоций и страстей, создания всякого рода самочинных образований, выступающих за перекройку закрепленных в Конституции СССР национально-государственных и национально-административных границ, что может привести к непредсказуемым последствиям.

Решительно осудить допущенные отдельными группами и лицами преступные действия, в результате чего имеются человеческие жертвы, принять к сведению, что виновные в этом привлекаются к административной и уголовной ответственности.

2. Советам народных депутатов Азербайджанской ССР и Армянской ССР, руковод-

ствуясь решениями XXVII съезда КПСС и последующих пленумов ЦК КПСС, обращением Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. ГОРБАЧЕВА к трудящимся народов Азербайджана и Армении, коренным образом улучшить массово-политическую воспитательную работу среди населения в духе незыблемости ленинских принципов национальной политики, дружбы и сплоченности братских народов СССР.

Глубоко и всесторонне анализировать причины, порождающие обострения межнациональных отношений, своевременно устранять их, активно выступать против любых националистических и экстремистских проявлений. Создавать спокойную и деловую обстановку в производственных коллективах и учебных заведениях, мобилизуя усилия трудящихся всех наций и народностей, проживающих в республиках, на решения задач революционных преобразований, идущих в нашем обществе.

3. ПВС Азербайджанской ССР и ПВС Армянской ССР провести необходимые согласованные мероприятия по укреплению социалистической законности и общественного порядка. Обеспечить защиту законных интересов граждан всех национальностей с привлечением к строгой ответственности всех, кто своими действиями дестабилизирует обстановку, посягает на дружбу и сотрудничество братских советских народов.

4. СМ СССР разработать мероприятия, направленные на решение назревших вопросов хозяйственного и социально-культурного развития Нагорно-Карабахской области.

5. Прокуратуре Союза ССР и МВД СССР принять все необходимые меры по наведению общественного порядка и защиты законных интересов населения на территории Азербайджанской и Армянской ССР".

Это решение, естественно, не могло удовлетворить армян, и они в Карабахе начали забастовку. В Армении, кажется, немного устали от сознания, что даже общенациональная демонстрация ни к чему не привела. Кажется, что они стали свои надежды связывать с зарубежными акциями, что вряд ли можно считать правильным. Чем все это может кончиться? Я думаю, что все уже кончилось, а продолжение может перейти на диссидентский уровень, который никогда не был и не может быть в состоянии что-либо серьезно изменить в нашем мире. Можно перечислить три причины, по которым Горбачев не может решить карабахскую проблему в пользу армян.

1. Советско-турецкий договор 21 года, нарушение которого Советским Союзом вызовет серьезную напряженность между Советским Союзом и Турцией. Турецкие дипломаты уже на самом высшем уровне предупредили

советских руководителей.

2. Решение карабахского вопроса поставит Горбачева перед необходимостью решить десятки аналогичных вопросов (абхазцы, осетины, крымские татары, чечены, ингуши и т. д.)

3. Советской Конституцией предусмотрен параграф, согласно которому изменение границ между союзными республиками может произойти лишь с согласия обеих сторон. Азербайджанцы такого согласия никогда не дадут, а Горбачев их заставить не захочет.

Однако, окрасив события в Карабахе в антисоветский цвет, советские руководители стали перед другой проблемой. Они испугались, что теперь эта проблема будет подхвачена Западом, и кто знает, может быть, эту карту кое-кто будет разыгрывать во время серьезных переговоров, как скажем разыгрывается карта еврейской эмиграции или другие правозащитные темы.

АПН поспешило сообщить, что карабахские события мешают перестройке и что "националистический взрыв в городе Сумгаите был результатом сопротивления перестройке". Политический комментатор АПН Игнатов заявил, что перемены медленно доходят до некоторых республик и это устраивает некоторых людей, которые выходят на улицы ради того, чтобы помешать переменам и сохранить собственные привилегии. Видимо, он имел в виду первого

секретаря ЦК КП Армении, от которого Горбачев никак не может избавиться.

По всем официальным и неофициальным каналам советские руководители предлагают Западу не вмешиваться в армянские дела, которые мешают перестройке. Ту же самую идею советские посольства пропагандируют среди зарубежных армян. "Не мешайте Горбачеву, вот он окрепнет и вашу проблему решит", — говорят армянам советские дипломаты.

В общем эту пропагандную игру, кажется, Советы выиграют. Несмотря на то, что в пользу армян высказался Европейский парламент, губернатор Калифорнии, академик Сахаров, академик Аганбекян и многие другие организации, проблема Карабаха на Западе не вызвала такой бурной реакции, какую совсем недавно вызвала весть о том, что кого-то из политзаключенных лишили тюремного ларька или свидания с родными. Видимо, Запад очень боится потерять "доброе" Горбачева, которого может сменить "злой" Лигачев.

Но положение может резко измениться, ибо карабахцы проявляют удивительную стойкость и на работу не выходят. Эта стойкость в прошлом не раз приносила свои плоды и может случиться, что и на этот раз она не пройдет даром.

В. ПИРОЖКОВА

КАКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ? НЕАНТАГОНИСТИЧЕСКИЕ ИЛИ ВСЕ ЖЕ АНТАГОНИСТИЧЕСКИЕ?

Полемика в советской прессе

На Западе было широко отмечено разногласие между "Советской Россией" и "Правдой". "Советская Россия" поместила в номере от 13 марта 1988 г. длинное письмо доцентки химии из Ленинграда Нины Андреевой. Озабоченная развитием гласности, Н. Андреева с ужасом отмечает, какие теперь существуют течения и какие вопросы задает молодежь. "О чем только не заходит разговор! О многопартийной системе, о свободе религиозной пропаганды, о выезде на жительство за рубеж, о праве на широкое обсуждение сексуальных проблем в печати, о необходимости децентрализации руководства культурой, об отмене воинской обязанности... Особенно много среди студентов возникает споров о прошлом страны". Бедная Нина Андреева! Бедные вообще люди на нашей родине! Самые нормальные вопросы, желание самой обыкновенной свободы слова вызывает у нее трепет и ужас. Даже "религиозную пропаганду" надо разрешить! Нет, подумайте только. Но статью свою она посвящает преимущественно тому, о чем среди студентов

по ее свидетельству особенно много идет споров: прошлому нашей страны. Автор потрясена слишком далеко идущим, по ее мнению, свержением всех авторитетов. Так она возмущена, что молодые люди задают вопросы о репрессиях в армии во время войны. По мнению автора открытого письма, даже этот вопрос уже криминален, никаких репрессий, мол, не было. Как бы не так... Однако следует поблагодарить Н. Андрееву за то, что она сообщает нам, о чем говорит молодежь, она приводит такие выражения: "терроризм", "политическое раболепие народа", "бескрылое социальное прозябание", "наше духовное рабство", "всеобщий страх", "засилие хамов у власти", — из этого видно, что понимание настоящего положения в СССР среди молодой интеллигенции достаточно точно. Но для Андреевой все это — "словотолчение", она не отвечает на вопрос, правда ли это, она только хочет, чтобы обо всем этом перестали говорить. Ведь "иной раз приходится слышать, что пора привлечь к ответственности коммунистов, якобы "де-

гуманизировавших" после 1917 года жизнь страны". Да, давно было бы пора, и дегуманизировали они жизнь страны не якобы, а действительно.

По пути дается щелчок драматургу М. Шатрову, но упоминаются разные его пьесы, кроме "Диктатуры совести", о которой на Западе больше всего писали и которую показывали в Мюнхене. Слегка щелкает автор и А. Рыбакова за "Дети Арбата", но только слегка.

Совсем замолчать массовый террор автор, видимо, не могла, она пишет, что разделяет гнев и негодование граждан по поводу этих репрессий (так там называют террор), но еще больше ее возмущает, что находятся же такие люди, которые требуют от сталинистов покаяния! Какой ужас!

Дальше идет пространная реабилитация Сталина, повторяется навязшее в зубах сравнение с Петром I и утверждается, что никого, мол, теперь не интересуют личные качества Петра, главное то, что он создал империю. То же самое сделал и Сталин, этот тезис подтверждается его цитатой из воспоминаний Черчилля, который рассказывает, что, когда входил в зал Сталин, они все невольно вставали и вытягивались в струнку.

Однако "Правда" поясняет, что панегирик Сталину, на который ссылается Нина Андреева, написал не Черчилль, а Исаак Дойчер, которого "Правда" называет английским троцкистом.

Но Нина Андреева знает свой марксизм, и она ставит вопрос принципиально и совершенно правильно: что важнее, "объективные исторические законы", якобы открытые Марксом, или же этика? Она пишет: "Претендуя на полноту исторической правды, они подменяют социально-политический критерий развития общества схоластикой этических категорий". Эта фраза и представляется для нас самой важной. В самом деле, если признавать этические нормы, то нельзя убивать миллионы людей. Поэтому долой "схоластические категории этики"!

Дальше все идет последовательно. Автор оправдывает уничтожение 14 миллионов крестьян, в том числе и детей, "успехами коллективизации". Бросив камнем в либеральные круги, она не щадит и традиционно-национальные, сожалеющие о гибели религиозных, национальных и культурных ценностей. Исторические памятники, видите ли, погибли в ходе победы революции — велика беда!

Мы должны быть, однако, опять-таки, благодарны Нине Андреевой за то, что она противопоставила лживой горбачевской ленинаде прямое указание на то, что сводится к Ленину как к началу. Она указывает на ярость Ленина по адресу Каутского, писавшего, что социализм отличается железной

дисциплиной в экономике и анархией в идеологии и духовной жизни. Ленин, конечно, стоял за железную дисциплину и в духовной жизни. Андреева напоминает, что именно Ленин выслал из страны цвет русской философии — для автора письма, конечно, не цвет, а наоборот, самых худших, ибо мысливших свободно. Забавно, что Андреева указывает на историка Виппера, который был выслан тогда Лениным вместе с другими, но потом вернулся и "честно служил народу". Виппер был на самом деле чистейшим оппортунистом. Попав в молодые года под карательную руку Ильича, он в эмиграции жил в Латвии и стал отчаянным латышским патриотом, писавшим почти уже смехотворные "исторические" книги о прослеживании латышских предков чуть ли не до Адама. Даже спорившие с ним серьезные латышские историки опасались за его судьбу в 1940 г., когда в Латвию вошла советская армия. Но... наш Виппер мгновенно очутился в Москве, где написал хвалебную книгу об Иоанне Грозном, полностью в духе тогдашнего сталинского направления и в противоречие тому, что тот же самый Виппер писал о том же самом Грозном до революции. Вот оказывается, какие люди нравятся таким принципиальным марксистам, как Нина Андреева.

Статья ее носит название "Не могу поступиться принципами" и кончается словами: "На этом стояли и будем стоять. Принципы не подарены нам, а выстраданы нами на крутых поворотах истории Отечества".

"Правде" понадобилось больше трех недель, чтобы ответить Нине Андреевой. Нужно отметить — да поймет меня читатель правильно, — что статья Н. Андреевой написана ясным языком и без пропагандного жаргона. Это понятно. Она писала в разрез с теперешней пропагандой. Ее мысли мы можем только отвергать, но они изложены ясно, понятно, чего она хочет. Иначе читается статья в "Правде" от 5 апреля, озаглавленная "Принципы перестройки: революционность мышления и действия" и не подписанная никем. Эта статья очевидно является указанием самого генсека и начинается ворохом хорошо нам известных пропагандных фраз о единстве народа, о всеобщей поддержке перестройки и пр. Жаргон ее совершенно такой же, каким он был всегда в "Правде". Да извинит мне читатель личное отступление: в 1946 г. мне в руки попали впервые после 5-летнего перерыва новые номера "Правды". Тогда прошло "только" 5 лет, но каких! Сколько было пережито, как изменилась вся личная жизнь, сколько приходилось слышать разговоров о переменах, якобы происшедших в СССР. И вот в моих руках были номера "Правды", и я не раз смотрела на дату

наверху страниц: не попали ли мне в руки по ошибке старые, еще довоенные, номера? Нет, это были номера за 1946 год. Но все было то же самое, тот же жаргон, та же пропаганда, та же жвачка.

Вот и в этой статье за 1988 год, т.е. по прошествии не 5, а 42 лет после того, как я снова взяла в руки номера "Правды", столько обычной шелухи пропаганды, что за этой шелухой очень трудно рассмотреть зерна как будто бы нового. Что же в этой статье можно усмотреть нового? Она говорит, с одной стороны, в обычной форме об единодушии всего народа в отношении перестройки, с другой же стороны, пишет об остро разгоревшейся борьбе вокруг той же перестройки. "Борьба за перестройку ведется как на производстве, так и в духовной сфере. И хотя эта борьба не принимает форму классовых антагонизмов, протекает она остро". Итак, это не антагонистическое противоречие, говорит "Правда", но все же противоречие. Откуда же оно взялось? Оказывается, из предыдущего застоя. Вот теперь, с одной стороны, прорвалось слишком много сразу, с другой стороны, не научились еще новым принципам. Но статья, как полагается, написана в мажорном тоне, "все хорошо прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо". Говорится много красивых слов о свободе слова (раньше это были мелкобуржуазные требования), высказывается возмущение по поводу того, что Андреева отделяет социализм от нравственности, но нет ни слова о том, где же приоритет, что делать, если интересы социализма, о котором в статье непрерывно толкуется, разойдутся с требованиями нравственности? И — самое главное — какими критериями измеряется нравственность? Мы помним тезис Ленина: "Нравственно все, что полезно коммунизму", перефразировка бакунинского "нравственно все, что служит революции". Если ЭТО критерий нравственности, то, конечно, никакого противоречия с социализмом она представлять не может, и круг замкнулся.

Сталину "Правда" дает щелчок и утверждает, что "культ личности" чужд природе социализма. Но вот только мы еще не видели социализма, где не было бы культа личности в большей или меньшей степени, нигде, ни в какой стране не видели. Вот ведь и Андреева в своей "крамольной" статье постоянно ссылается на Михаила Сергеевича, чтобы гарантировать себя.

"Правда" высказывает немало комплиментов по адресу писателей и других "работников" пера и духа, которые так бодро включились в перестройку и гласность. Но затем следуют недвусмысленные угрозы: "Но мы видим и другое: отсутствие в отдельных произведениях сопереживания со своим на-

родом, с его историей, с его радостью и болью. Иной автор будто апостол истины вещает и указывает всем, что и как надо делать. Немало попыток поскорее заявить себя, отшуметь сенсацией, позабавляться "фактами" и "фактиками", но не ради истины, а на потребу собственного неутоленного тщеславия. Это приводит к переделкам, искажению фактов и главное — подменяет историю народа историей ошибок руководства. Естественно, что такой подход задевает чувства миллионов честных людей, не помогает извлечь из истории объективные и полезные уроки". Как знакома нам эта речь! Ну будто я перенеслась на 50 лет назад и еще школьницей читаю о том, что те или иные авторы, не угодившие всесильным, извините, всеведущим вождям партии, не ищут, конечно же, истины, а только стараются удовлетворить свое честолюбие. Тогда, правда, следовал уход таких авторов из жизни, теперь пока этого, вероятно, не будет, но все же... Сопереживайте, товарищи писатели, сопереживайте, а где истина, где полезные и объективные уроки истории, а где лишь личное тщеславие и погоня за сенсацией, это вам разъяснит "всеведущее" политбюро и его орган "Правда".

Дальше следует прямое нападение на "Советскую Россию": "Сегодня нет запретных тем. Журналы, издательства, студии сами решают, что обнародовать. Но появление статьи "Не могу поступиться принципами" — это попытка исподволь ревизовать партийные решения" (а они, конечно, никакой ревизии подвергнуты быть не могут, ибо всегда безошибочны, даже если последующее прямо противоречит предыдущему В.П.) "На встречах в Центральном Комитете партии не раз говорилось, что советская печать — не частная лавочка, что коммунисты, выступающие в печати, редакторы должны чувствовать ответственность за статьи и публикации. В данном случае газета "Советская Россия", много сделавшая, скажем прямо, для перестройки, отошла от этого принципа". Вот так оно и есть: Да здравствует гласность, но что такое гласность, это разъяснит вам ЦК партии. Советская печать — не частная лавочка, а другой печати в СССР нет.

"Советская Россия" перепечатала сначала без комментария статью из "Правды", а потом занялась самокритикой. Возвращается ветер на круги своя. Статья в "Правде" заканчивается словами: "больше гласности, больше демократии, больше социализма". Не прибавлено только: но что такое гласность, что такое демократия и, тем паче, что такое социализм определяет ЦК и не вздумайте заниматься "тщеславными" индивидуалистическими толкованиями этих китов перестройки.

Остается задать вопрос: что означала эта перепалка в советских газетах? Раздвоенное копыто, сознательное допущение такого письма для того, чтобы можно было дать отповедь, которую, как говорят, Горбачев повторит на XIX партконференции? Тут вышло наружу настоящее противоречие, антагонистическое или неантагонистическое? Мы склоняемся к последнему. Что же касается характера противоречия, то мы не думаем, что между Н. Андреевой (и мыслящими с ней) и ЦК партии есть антагонистическое противоречие. Они сидят в одной лодке, которую одни боятся раскачивать, другие же думают, что ей некоторая раскачка не повредит. Но вот как обстоит дело с самими принципами? "Правда" тоже ссылается на Ленина, но ни словом не касается того, что отметила Н. Андреева: высылки "несозвучной" интеллигенции, что было не самым даже страшным и во времена Ленина. Н. Андреева приводит высказывания молодежи, которых "Правда" тоже даже не касается, стараясь утопить эту проблему в массе звучных фраз. Она только косвенно намекает на нее, предупреждая против "подмены" истории народа историей ошибок руководства. Это еще погудка хрущевского времени: вожди были ужасны и делали одну ошибку за другой (тогда, впрочем, говорилось о вожде в единственном числе, теперь говорится во множественном), теперь почти даже признается, что Сталин делал не только ошибки, но и преступления, однако страна шла правильным путем, народ строил правильный социализм, который ненароком попал в острое кризисное положение, с чего "Правда" и начинается. И вот вопрос: как долго истинно честная интеллигенция, да и весь народ смогут жить в атмосфере этой шизофрении? Больно читать талантливую статью М. Шеерсон (НПС от 23 февр. 1988 г.) "Два лика Олега Волкова". Там на отдельных конкретных эпизодах показывается, как автор, изумительный писатель и большой человек, то же самое в своей искренне написанной книге "Погружение во тьму", изданной в Париже, и в сборнике "Избранное", изданном в

СССР, различно трактует одни и те же переживания. Мы так же, как и автор статьи, не виним Олега Волкова, но тут, как в зеркале, отражается весь ужас лжи и лицемерия этой системы. Как долго честные люди будут это еще выносить? Из того, что привела в своей статье Андреева, видно, что об этом говорят уже открыто.

Противоречие, притом абсолютно антагонистическое, существует уже с 1917 года между народом и его интересами, между человеком с его достоинством и его совестью, с одной стороны, и между марксистской идеологией и режимом, с другой. Неантагонистические противоречия входят в систему. И ими коммунисты в ходе своей истории играли нередко довольно ловко. Западные наблюдатели часто ошибались, предполагая чуть ли не гибель или развал коммунизма, когда на самом деле это были лишь сознательно допущенные "неантагонистические противоречия", приводившие в результате к дальнейшему распространению коммунизма на земле. Чтобы дать иллюстрацию таких противоречий и их использование коммунистами я позволю себе приложить мой доклад, который я прочла в феврале 1981 года в Вашингтоне на конгрессе "Свободная Россия", напечатан он был в журнале "Зарубежная Русь", май 1981 г., но многие из наших читателей его, вероятно, не прочли или забыли. Он, конечно, не мог отразить событий последних лет, но в нем разработан принцип.

И сейчас "Правда" хватается за диалектику как за метод, к которому, мол, всегда прибегал Ленин, последняя их опора. Но какой закон диалектики теперь сыграет? Ведь есть и закон, по которому неантагонистические противоречия переходят в антагонистические. Это с точки зрения самих марксистов. Мы же считаем, что антагонистическое противоречие существовало с самого начала, но было задавлено. Сейчас ему снова дали щелку для того, чтобы высунуть нос. Удастся ли снова закрыть эту щелку своевременно? Будущее покажет.

СТРАТЕГИЯ МИРОВОГО КОММУНИЗМА

Доклад проф. В. А. Пирожковой на Съезде за Свободу России
26–27 февраля 1981 года в Вашингтоне, в здании Сената США

Каждое явление, каждый исторический феномен сложен и не может быть полностью объяснен лишь одной причиной. С другой стороны, у каждого феномена есть базис, есть основная духовная направленность, определяющая его, независимо от того, понимают ли его сторонники эту направленность,

отдают ли они себе в ней отчет или нет. Современный период истории характеризуется, главным образом, феноменом коммунизма — или следует сказать "советской власти"? Или это одно и то же? Спросим иначе: как рассматривает советская власть сама себя? Какие идеи определяют ее политику? Мы не

говорим о второстепенных политических целях, они могут быть вполне прагматичными и определяться той или иной фактической ситуацией. Мы не спрашиваем о причине того или другого отдельного решения советского правительства, мы хотим знать, чем определяется его политика в своей основе, какова ее цель дальнего прицела.

Что это, старая националистическая, империалистическая политика, как думают многие на Западе, или же она определяется преимущественно марксистско-ленинской идеологией? Мы уже отметили, что каждый феномен сложен и, чем бы ни определялась политика советского правительства, национальным империализмом или марксистской идеологией, этот элемент не будет единственным. Тем не менее чрезвычайно важно установить, что же лежит в самой основе этой политики, что определяет поведение этой мощной державы и ее отношение к другим коммунистическим партиям мира.

В соответствии с тем, как определяется политика Советского Союза, должна быть определена и политика других государств, партий, включая коммунистические партии, организаций и объединений по отношению к Советскому Союзу.

В коротком докладе мы не можем даже попытаться доказать, что именно идеология определяет как политику Советского Союза, так и политику других коммунистических государств и партий во все мире. Вместо теоретических аргументов мы попробуем поставить вопрос иначе: какой должна была бы быть политика Советского Союза и других коммунистических стран и партий, если бы она определялась преимущественно марксистской идеологией?

Прежде всего мы должны спросить: что представляет собой марксистская идеология? Является ли она доктриной для построения более справедливого социального общества? Или это гуманистическая теория, которая заботится о счастье человечества?

Нет, всем этим марксизм не является. Мао Цзе-дун лучше всего охарактеризовал эту доктрину, назвав ее "наукой, как побеждать". Если мы примем это определение марксизма, то мы сможем убедиться, что коммунистические страны и партии действительно руководствуются этой теорией.

Как же действует эта "наука, как побеждать"? Опять-таки мы не можем в коротком докладе рассмотреть все ее аспекты. Мы затронем существенную часть основ этой науки, которая особенно влияет на стратегию мирового коммунизма. Существенная часть, ее центр, — это диалектические противоречия, закон об единстве и борьбе противоречий. Он гласит, что каждое явление в мире имеет противоречие в себе самом, имеет две сто-

роны, которые определяют друг друга, но и борются друг с другом. В соответствии с этим законом гармония, равновесие, мир — это только преходящие состояния: если они будут долго продолжаться, то это приведет к стагнации. Компромисс, договор, уравнишенное положение — относительны. Борьба — абсолютна. Только борьба противоположностей или противоречий внутри каждого явления гарантирует развитие. Эти противоречия внутри каждого феномена тщательно анализируются. Они классифицируются по разным признакам.

Так имеются, например, антагонистические и неантагонистические противоречия. Антагонистические существуют только в классовых обществах, и борьба между ними носит роковой характер. Неантагонистические противоречия не должны вести к смертельной борьбе между двумя полюсами внутри явления. Борьба между двумя сторонами неантагонистического противоречия может быть вполне серьезной, но она должна быть, она помогает развитию обеих сторон, предохраняет от стагнации, позволяет вскрыть ошибки и найти правильное направление. Те, кто не знает марксизма, не могут понять, что в социалистическом лагере тоже должны быть противоречия и борьба, настоящие противоречия и настоящая борьба. Многие считают, что время Сталина было типичным для марксизма, время, когда не допускалось никаких внутренних противоречий, но "наука, как побеждать" весьма гибка и эластична, поэтому нельзя принимать как недвижимую доктрину какой-либо отдельный период времени развития коммунизма. Есть большая разница между ситуацией, в которой находился Советский Союз как первая и единственная социалистическая страна, и теперешней ситуацией, когда есть много стран в лагере реального социализма и когда Советский Союз вооружен до зубов.

Иная ситуация определяет иную стратегию. Но в учении марксизма-ленинизма мы наблюдаем противоречия в разных аспектах. Антагонистические противоречия делятся на три категории, именно, основное противоречие, главное противоречие и второстепенное противоречие. Основное противоречие остается все время тем же самым, пока существует капитализм, это так называемое противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, или, в переводе на обычный язык, противоречие между трудом и капиталом. Главное противоречие должно быть каждый раз заново определено. Так, например, во время Второй мировой войны субъектом главного противоречия была, конечно, гитлеровская Германия, а после Второй мировой войны — так называемый "империализм США". Против

объекта главного противоречия, т. е. в настоящий момент главного противника коммунизма, коммунисты могут объединяться с любым государством, любой организацией, даже по существу враждебной коммунизму, но в данный момент готовой с ним коалировать. Следует отметить, что это, конечно, не специфически марксистский метод. В истории часто заключались временные союзы с потенциальными будущими врагами. Марксисты используют, однако, этот метод особенно тщательно и ловко.

Второстепенные противоречия тоже систематически наблюдаются, анализируются и используются, иногда даже искусственно вызываются. Второстепенные противоречия — это противоречия внутри капиталистических стран, которые непосредственно не вытекают ни из основного, ни из главного противоречия. Как пример, мы можем привести конфликт между ирландскими католиками и протестантами. Марксистская идеология видит во всех христианах, как католиках, так и протестантах, своих врагов, но она использует этот конфликт, раздувает его и инфильтрирует одну из сторон. Но и это в истории не ново. Попытки использовать трудности и конфликты в стане противника, или даже самим вызвать такие конфликты, были в истории всегда. Опять-таки марксисты в этом вопросе отличаются от других тем, что они внимательно следят за каждым, самым малым конфликтом внутри свободного мира и тщательно стараются использовать каждый такой конфликт.

Теперь мы обращаемся к рассмотрению так называемых неантагонистических противоречий внутри самого социалистического лагеря. В некоммунистическом мире, в общем, считается, что согласие, гармония, свобода от конфликтов — это положение, которого каждый бы хотел, особенно же внутри своего собственного лагеря, в отношениях со своими союзниками. Марксисты же думают иначе. И здесь мы имеем дело с принципиально новым явлением. Если кто-нибудь в некоммунистическом мире говорит, что надо жить с конфликтами, то он одновременно об этом жалеет. Кажется само собой разумеющимся, что лучше было бы без конфликтов. К несчастью, это невозможно, но самым желательным положением была бы бесконфликтная ситуация.

В противоположность этому марксисты сознательно включают конфликт в свою стратегию. Не только между "капиталистическим" и "социалистическим" лагерем должна идти непрерывная смертельная борьба, хотя и далеко не всегда с оружием в руках. Внутри самого социалистического лагеря должны быть конфликты. Такие конфликты не рассматриваются как несчастье или болезнь,

которую надо поскорее ликвидировать; не обязательно нужно стараться сгладить конфликт, напротив, нужно включить его в общую стратегию, направленную на грядущую победу коммунизма. Больше того, настоящая стратегия должна не только считаться с возможными конфликтами, но она знает, что конфликты должны возникнуть, если их и не было вначале. Иными словами: внутри социалистического лагеря должны быть настоящие конфликты, а не только видимость конфликтов. И конфликты должны быть, после тщательного анализа, использованы для цели победы мирового коммунизма. Надо только следить за тем, чтобы конфликты оставались в определенных рамках или, говоря языком идеологии, — неантагонистические конфликты не должны переходить в антагонистические.

Стратегия, которая опирается на этот идеологический базис, может быть коротко определена так: одно разделяется само на два, три или четыре, а потом, в надлежащий момент, соединяется снова в одно.

Как же может наблюдатель, который находится вне социалистического лагеря, определить, является ли данный конфликт внутри этого самого социалистического лагеря антагонистическим или неантагонистическим, или иначе: помогает этот конфликт мировому коммунизму в его общей стратегии или, наоборот, вредит. В деталях мы, конечно, не можем всего анализировать, так как нам не достает всей той информации, которую имеет коммунистическое руководство. Но тем не менее можно назвать общий критерий: коммунистическая диктатура в данной стране должна по-прежнему, несмотря на конфликт, прочно сидеть в седле, не должно быть опасности, что может быть свергнут коммунизм как таковой. Если такой опасности не возникает, то каким бы острым ни был конфликт, он остается неантагонистическим. Если же возникает опасность свержения коммунистического режима, тогда неантагонистическое противоречие переходит в антагонистическое. В этом случае конфликт должен быть ликвидирован любыми средствами, в том числе и силой оружия.

Попробуем иллюстрировать сказанное историческими примерами. Коммунистическая диктатура в Югославии прекрасно сохранилась. Небольшие вариации в реализации социализма по сравнению с Советским Союзом не играют роли. Важно то, что в Югославии сохранилась крепкая коммунистическая диктатура и полное доминирование марксистской идеологии в духовной жизни. В Югославии не было свободы прессы и было запрещено распространять какие-либо идеи, кроме марксистской идеологии. Столкновение с Советским Союзом при Сталине было очень острым,

существовали даже планы советского вторжения, но от него Советский Союз отказался.

Можно возразить, что это было сделано из других соображений: советским войскам пришлось бы пройти через нейтральную Австрию, это и другие трудности удержали Сталина от вторжения. Все это верно, но не надо забывать, что коммунизм как таковой не был в опасности, и это играло большую роль. Мы не можем привести ни одного примера, когда бы какая-нибудь страна, став полностью коммунистической, сумела бы потом от коммунизма освободиться. Можно предполагать, что если бы в Югославии в 1948 году грозила опасность коммунистической диктатуре как таковой, советы пошли бы на большой риск, даже на риск нарушения нейтралитета Австрии, чтобы предотвратить эту опасность.

При условии сохранения коммунистической диктатуры, резкий разлад между двумя коммунистическими государствами принес им обоим и коммунизму как таковому не вред, а пользу. В самом деле: 1) Югославию экономически поставил на ноги Запад. Советский Союз даже при желании не смог бы тогда оказать Югославии той экономической помощи, которую оказал ей Запад. 2) Югославия представляет собой приманку для левой молодежи и интеллектуалов в Западной Европе, якобы "лучшего социализма". Этот "лучший социализм", конечно, иллюзия, но иллюзия, которая помогла левым на Западе облазнять молодежь. 3) Тито мог выдавать свою страну за нейтральную и таким образом войти в руководство лагеря нейтральных. 4) В конце концов, Югославия примирилась с Советским Союзом.

Жесткая коммунистическая диктатура не может долгое время существовать без поддержки центра мирового коммунизма. Михайло Михайлов справедливо указал на то, что Тито а) был за советское вторжение в Венгрию в 1956 году и б) сейчас же открыл югославские военные аэродромы для советских военных самолетов, когда во время войны Йом Кипура возникло резкое напряжение отношений между Советским Союзом и США.

Югославия не была потеряна ни в каком отношении, ни в идеологическом, ни в военном. Напротив, конфликт помог коммунизму в Югославии удержаться с помощью экономической поддержки со стороны Запада; без этой поддержки могла бы наступить экономическая катастрофа. Тем не менее я не утверждаю, что ссора была ненастоящей. Она могла быть настоящей и серьезной. Но оба коммунистические государства скоро поняли, что коммунизму как таковому она не угрожает, и поспешили использовать эту ссору в своих целях.

Перейдем к другому примеру. В Венгрии в 1956 году венгерское правительство порвало не только с идеологической диктатурой марксизма, но и заявило о своем выходе из Варшавского пакта и своем нейтралитете. Вторжение советских войск в Венгрию можно, стало быть, рассматривать и как интервенцию для спасения идеологии, и как чисто империалистический акт для сохранения сателлита.

Однако в Чехословакии в 1968 году коммунистическое правительство подчеркивало, что страна остается верным союзником стран Варшавского пакта, верным союзником Советского Союза, и Варшавского пакта покидать не собирается. Тем не менее, в Чехословакии самостоком возникла действительно свободная пресса, больше того, раздались требования многопартийного государства, уже начала создаваться социал-демократическая партия. Создалась угроза для коммунистической диктатуры как таковой. Неантагонистическое противоречие грозило перейти в антагонистическое. Это надо было предотвратить, что и было сделано с помощью военной силы. Тито был жестким и твердым коммунистическим диктатором. Можно было спокойно оставить его одного, он сам справился. Дубчек же был слаб. Коммунистическая диктатура могла сломаться.

Во время оккупации Чехословакии тогдашний министр Западной Германии Вилли Брандт сказал, что он боится также оккупации Румынии советскими войсками, так как Румыния ведет самостоятельную внешнюю политику. За круглым столом на радиостанции "Свобода" в Мюнхене меня спросили, что я об этом думаю. Я ответила, что советские войска ни в коем случае не оккупируют Румынии, так как Чаушеску — настоящий твердый коммунистический диктатор, даже сталинист. Никакая опасность коммунистической диктатуре в Румынии не угрожает, а самостоятельная внешняя политика даже помогает тем, что выкачивает деньги из Запада.

Наиболее успешной для всего мирового коммунизма оказалась ссора между Советским Союзом и красным Китаем, что, однако, не означает, что она была ненастоящей.

Тем не менее обе коммунистические державы очень много выиграли в результате этой ссоры. Когда в США президентом был Джонсон, вся западная общественность считала китайских коммунистов "дикими", а советских "ручными". Достаточно просмотреть газеты того времени, чтобы увидеть, что они пестрят этими выражениями. Президент Джонсон надеялся, что Москва поможет ему установить во Вьетнаме почетный мир. Эта надежда базировалась на уверенности в том,

что Вьетнам, став коммунистическим, непременно подпадет под влияние Пекина; эта уверенность основывалась на территориальной близости обоих государств. Предполагалось, что для Советского Союза будет выгоднее допустить некоторое влияние Америки во Вьетнаме, чем потерять весь Вьетнам в том случае, если он подпадет под влияние красного Китая. Вследствие этих надежд война во Вьетнаме велась скорее символически, чем по-настоящему, с тем, чтобы держать позиции, но не с тем, чтобы победить.

В то же самое время США старались не замечать, что Советский Союз успешно продвигает свои позиции в районе Средиземного моря, того моря, которое западные державы до сих пор называли *mare nostrum*.

Тот факт, что Советский Союз посылал оружие Северному Вьетнаму, объяснялся тем, что Советский Союз не может "потерять лицо" перед Третьим Миром, он, мол, помогает Северному Вьетнаму, но, со своей стороны, поможет США "сохранить лицо" и допустит создание нейтральной позиции для Южного Вьетнама. Не принимался в расчет тот факт, что красный Китай свободно пропускал через свою территорию оружие для Северного Вьетнама. Гораздо больше внимания обращалось на весьма театральную перестройку на Уссури. Она, кстати, сразу же прекратилась, как только сыграла свою роль. Одновременно росла пропаганда против войны во Вьетнаме и так называемого американского империализма со стороны левых. Эта, распространившаяся по всему миру пропаганда дирижировалась из одного центра, и центр этот находился не в Китае.

Результат хорошо известен: коммунизм распространился на три страны в Азии, и это преимущественно советский коммунизм. Китайские коммунисты не сделали ничего для предотвращения этого развития; чисто словесные нападки в счет не идут.

После того, как советским коммунистам удалось поставить ногу в средиземноморском районе, они начали массивную интервенцию в Африке, поддерживаемую кубинцами и восточными европейцами. Одно время в Европе много говорилось о соперничестве советских и китайских коммунистов в Африке и о том, что это соперничество взаимно нейтрализует друг друга. Но это были только разговоры, на самом же деле китайские

коммунисты в Африке с советскими не соперничают.

Разочаровавшись в советских коммунистах, сначала западные европейцы, потом и американцы начали возлагать свои надежды на китайских коммунистов. Первой жертвой этой новой политики стал Тайвань. Знаменательно то, что политики свободного мира все время возлагают свои надежды на каких-нибудь коммунистов, то на тех, то на других, и не могут понять, что все коммунисты одинаково являются непримиримыми врагами Свободного мира.

Краткий доклад не позволяет нам анализировать другие конфликты внутри коммунистического лагеря. Мы только хотим подчеркнуть, что каждый конфликт внутри самого лагеря коммунизма надо сначала тщательно анализировать: вредит ли он коммунизму как таковому или, наоборот, помогает ему. Например, так называемый еврокоммунизм безусловно помогает стратегии мирового коммунизма. Мы думаем, что "ссора" "еврокоммунистов" с Советским Союзом даже вовсе не настоящая, а только хорошо продуманная стратегия, которая проводится в жизнь с обоюдного согласия.

Мы также думаем, что в коммунистическую стратегию сейчас включается намерение создать постепенно "легальную оппозицию" отчасти внутри самой страны, отчасти вне ее, путем высылки в Свободный мир лиц, которые проповедуют непротивленчество по отношению к Советскому Союзу и полную легальность действий с точки зрения советского правительства. К этим лицам относится часть так называемой "новой эмиграции" или "третьей волны" из Советского Союза. Мао уже пробовал создание внутренней оппозиции в форме так называемой "культурной революции". Этот метод теперь отрицается, но выдуманы другие методы для той же цели.

В заключение я хочу указать на то, что стратегию коммунистов нужно рассматривать не с собственной точки зрения, а с точки зрения самих коммунистов, с точки зрения их собственного учения. Только тогда можно понять, что они намереваются сделать, и успешно им противостоять.

В. Пирожкова

Западная Германия.

Протоиерей ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВ

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Религиозные беседы

Издательство "Заря" (Канада) 1987, 90 стр. Цена 4 дол.

Заказы направлять: 1) ZARIA, 73 Biscay Road, London, Ontario, Canada, N6H 3K8;

2) Very Rev. D. Konstantinow, P.O.Box 212, West Hyannisport, Mass. 02672.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

СОВЕТСКИЕ АТЕИСТЫ О ХРАМЕ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

”В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и к Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ Российский, и в ознаменование благодарности нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились мы в первопрестольном граде нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа... Да благословит Всевышний начинание наше!.. Да простоит сей храм многие веки, и да курится в нем пред святым Престолом Божиим кадило благодарности позднейших родов, вместе с любовью и подражанием к делам их предков”.

Из манифеста императора Александра Первого. Вильно, 25 декабря 1812 года.

Семьдесят лет строился храм Христа Спасителя в Москве. Освящен он был в 1884 г. Освящение совпало по времени с коронационными торжествами императора Александра Третьего. Меньше 50 лет простоял храм. В 1931 г. он был взорван богоборческой властью как ненужный ”пережиток” старого строя. Все прошедшие после этого годы советские атеисты молчали о взорванном храме Христа Спасителя, как молчали они о тысячах разоренных ”народной властью” храмов по всей стране. Молчали они и о тех постыдных неудачах, которые потерпела власть, стремясь занять площадь, освободившуюся после разорения храма, в своих собственных целях. Молчали долго, около 60 лет и наконец заговорили. Московский атеистический журнал ”Наука и религия” в трех номерах подряд (№№ 8, 9, 10 за 1987 г.) печатает статью одного из главных идеологов советского атеизма — Александра Шамаро — ”Храм Христа Спасителя”. Статья, вынужденная все той же пресловутой перестройкой и гласностью, статья, вызванная катастрофическими неудачами власти на религиозном фронте, статья, появившаяся под давлением общественности, заинтересовавшейся разрушенными памятниками российской культуры. Статья поэтому злая, в которой автор, отступая, ведет довольно безнадежные непрерывные ”арьергардные бои”.

Шамаро отлично знает о значении разрушенного храма для нынешнего поколения советских людей и начинает свою статью с констатации того обостренного внимания, внимания всеобщего, сосредоточенного на этом соборе, который около шести десятилетий назад еще возвышался на берегу Москвы-реки неподалеку от Кремля. ”И в

последнее время, — замечает Шамаро, — интерес к нему — по вполне понятным причинам — стал еще более широким и обостренным”. Как же реагирует Шамаро на этот обостренный интерес, выпрямляя генеральную линию советской атеистической пропаганды, несколько сдвинувшуюся с места в связи с давлением, оказываемым и на нее происходящими в стране событиями? Шамаро идет довольно далеко и начинает свой очерк с констатации злополучной судьбы этого храма. А почему же она была злополучной? Об этом он предпочитает не говорить, но дает краткий исторический очерк постройки храма.

Храм Христа Спасителя был первоначально заложен в 1817 г. на Воробьевых горах по проекту архитектора Витберга. Проект был очень интересный. Витберг предлагал возвести на Воробьевых горах грандиозное сооружение, представляющее собой композицию из трех храмов: Нижний во имя Рождества Христова, средний во имя Преображения и верхний во имя Воскресения Христова. Высота храма должна была быть около 250 метров, превышая самые высокие египетские пирамиды. Нижний храм по мысли Витберга, мог служить усыпальницей, в которую должен был быть перенесен прах выдающихся героев только что закончившей войны.

Кроме Витберга, на объявленный конкурс, были представлены проекты других российских зодчих, в частности А. Н. Воронихина, О. И. Бове, Д. Кваренги. Принят и утвержден был проект А. Л. Витберга. Торжественная закладка храма была назначена на 12 октября 1817 г., в пятую годовщину бегства французов из Москвы. На закладке присутствовало около четырехсот тысяч человек.

Началось строительство храма на Воробьевых горах. К сожалению, строительство было прекращено после смерти императора Александра Первого, в 1826 году. Прекращение строительства и последовавшая после этого опала Витберга были связаны с бесхозяйственностью и достаточно крупными хищениями, которыми занимались многочисленные помощники Витберга. Хотя сам Витберг и не был виноват в каких либо злоупотреблениях, но в целом именно он отвечал за строительство и, видимо, не справился с его организацией. Ревизоры обнаружили огромное количество растрат, входящих почти до 1 млн. рублей. Архитектор был сослан в Вятку. Впоследствии он был возвращен в столицу, но уже не мог получить каких либо крупных заказов и пребывал на вынужденном покое. На этом

первая попытка построить храм Христа Спасителя была закончена. По мнению Герцена, "проект был гениален, страшен, безумен", а поэтому "его и следовало исполнить". Судя по имеющимся рисункам и эскизам храма на Воробьевых горах, можно целиком согласиться с мнением Герцена, но добавим: этот замечательный проект был значительно выше духовного разума людей той эпохи, хотя и был принят к осуществлению. Можно только пожалеть, что из этого ничего не вышло...

А. Шамаро не преминул воспользоваться случаем и обругать "свинцовую руку" царя, задушившую гениальное произведение. Но если бы Витберг, человек неопытный в административно-бюрократических канцелярских премудростях, оставил за собой только деятельность архитектора и не брал бы на себя финансовую ответственность за строительство, то, очевидно ничего бы не случилось и храм был бы построен. Но неполадки на строительстве, помноженные на недоброжелательство ряда влиятельных лиц, не любивших Витберга, сделали свое дело, и царь склонился к прекращению осуществления его проекта.

Император Николай I решил все начать заново. Проект храма Христа Спасителя он заказал архитектору К. А. Тону. Константин Андреевич Тон оставил после себя ряд архитектурных сооружений как религиозных, так и светских. Среди последних следует отметить Большой Кремлевский дворец, Оружейную палату и оба вокзала только что построенной Николаевской железной дороги, соединившей Петербург и Москву. Храм Христа Спасителя было решено строить в русско-византийском стиле, считающемся "эkleктическим", но получившим полное признание в России, а поэтому ставшим своего рода стилем национальным. Строился огромный пятиглавый храм вместимостью до 8000 человек. Диаметр центрального купола был равен 25 метрам. Дореволюционные издания сообщают, что площадь храма равнялась 7890 квадр. аршин, или 876 квадр. сажень, а современные авторы приводят цифру в 6805 квадр. метров. Высота храма была в 103 метра.

В этот раз храм строился не на Воробьевых горах, а на левом берегу Москвы-реки, на так называемом Чертолье. Александр Шамаро непременно изобразить выбор места для нового храма в злобно-издевательских тонах. "Место для нового храма соизволил выбрать сам Николай Павлович, возможно, облюбовав его из окон императорских апартаментов в Кремле или во время прогулки по краю Кремлевского холма. Царственным перстом указал он на обширное пространство по левому берегу Москвы-реки, за Боровицкой и Водозводной башнями и Большим Камен-

ным мостом..." Оплакивает Шамаро и перевод древней Алексеевской обители в другое место, вызванный постройкой храма, но вероятно сам, если бы представился случай, в свое время ратовал бы за снос подобной обители или превращение ее в какой-нибудь склад.

Шамаро, получив задание оплакать разрушение храма Христа Спасителя, понимает, что времена ныне иные, и действовать по старинке не приходится. Но снизить значение возникшей проблемы он все же может и хочет. Поэтому ставится вопрос: в чем ценность этого архитектурного памятника и велика ли она? По мнению Шамаро, ценность архитектурного памятника должна оцениваться по трем граням: ценность материальная, ценность художественная и ценность мемориальная.

Шамаро вынужден признать: ценность материальная храма очень велика и поэтому его нужно было сохранить. В дореволюционных изданиях приводится много данных о материальной ценности храма, но для того, чтобы дать о ней представление надо написать специальную статью на эту тему. Сам Шамаро приводит пример — как для внутренней облицовки храма использовали мрамор семи пород: двух отечественных и пяти зарубежных (четыре из Италии, одна из Бельгии). Из отечественных пород упоминается камень темно-зеленого цвета с кристаллами серебристого цвета, добываемый в Киевской губернии, и знаменитый "шокинский порфир" из Олонецкой губернии. Вспоминает он и белый мрамор из села Протопопова Коломенского уезда, которым были облицованы стены. Восемнадцать колонн храма были изготовлены из зеленоволокнистой яшмы, а на позолоту куполов ушло 422 килограмма золота.

"Не нам, не нам, а имени Твоему" выбито на медали, выпущенной в память Отечественной войны 1812 г. И это же изречение из псалмов царя Давида было положено и в основу построения храма Христа Спасителя. Шамаро комментирует это место из Псалтири, как "церковно-самодержавное истолкование великой победы народа". При таком подходе трудно вообще что-либо понять. Но у "маститого" советского специалиста по так называемому научному атеизму ясно ощущается какая-то зоологическая ненависть к бывшему правящему слою России, и эта ненависть, соединенная с ощущением своей собственной неполноценности, не дает ему возможности хотя бы приблизительно правильно оценить высказывания наших предков в связи с построением храма Христа Спасителя.

Как расценивает А. Шамаро архитектурно-художественную ценность разрушенного со-

бора? С первого же слова по поводу архитектурной ценности памятника церковного зодчества Шамаро раскрывает истинную причину появления его статьи на страницах "Н. и Р." Он пишет:

"Прежде чем ответить на этот вопрос, считаю необходимым со всей категоричностью подчеркнуть, что характеристика архитектуры храма Христа Спасителя не имеет целью хотя бы в какой-то степени оправдать его снос. Нет, тысячу раз нет!"

Шамаро считает, что храм Христа Спасителя не был выдающимся архитектурным достижением, творческим взлетом в развитии русского зодчества. Следуя в русле определенного направления в архитектуре, он несколько критически относится к "русско-византийскому" стилю построения церквей. При этом он ссылается на мнения некоторых русских ученых, высказывавшихся по этим вопросам в двадцатых годах текущего столетия. Упоминается В. Никольский и проф. А. Некрасов, отрицательно относившиеся к работе архитектора Тона. Но это и все; а что касается "русско-византийского стиля", то он стал широко распространенным в предыдущем столетии в России.

Но когда А. Шамаро переходит к вопросу о художественной ценности храма, то здесь он должен признать: взорванный храм был расписан крупнейшими русскими художниками и представлял "значительную" художественную ценность. Посмотрим, в чем же заключалась эта ценность? К росписи храма были привлечены выдающиеся художники. Среди них В. И. Суриков, написавший священные картины, изображающие первые четыре Вселенские Соборы. Г. И. Семирадский написал изображение Крещения Гоподня, картины из жизни св. князя Александра Невского — "Св. князь Александр Невский в Орде", "Послы Папы перед Александром", "Преставление св. Александра в Городце", "Погребение св. Александра Невского во Владимире". В росписи храма участвовал и И. Н. Крамской, а также художник Маковский. В дореволюционной литературе особо отмечается огромная и плодотворная работа художника А. Т. Маркова по росписи храма и особенно его работа над куполом. Кроме упоминаемых лиц в работе по написанию икон, религиозных картин и росписей отдельных частей храма принимали участие следующие академики и профессора: Басин, Башилов, Бодаревский, Бруни (ректор Академии художеств), Быковский, Васильев, В. П. Верещагин, Горбунов, Карнеев, Кошелев Лавров, Мартынов, Макаров, Неф, Пигулевский, Плешанов, Прияишников, Сорокин, Фаргусов, Творожников, Тюрин, Шамшин. Перечень этих имен свидетельствует о масштабах художественной деятельности лучших

творческих сил России в храме Христа Спасителя. И куда все это делось? Если можно надеяться, что иконы и картины все же сохранились в каких-то подвалах, то бесценные росписи на стенах были взорваны и уничтожены. Об этом в статье Шамаро не говорится, но констатируется следующее: "...роспись храма представляла художественную ценность, наверное более значительную, чем архитектурный его облик". Не будем полемизировать по поводу архитектурного облика храма, но скажем, что роспись храма и его иконописные изображения, написанные выдающимися русскими художниками, имели неоспоримую высокую художественную ценность, не говоря уже о их духовном значении, до которого Шамаро нет никакого дела.

Переходим к рассмотрению мемориального значения храма Христа Спасителя — его значения как исторического памятника, возведенного в честь Отечественной войны 1812 года. В нижней части храма была устроена сквозная галерея или коридор, который явился собственно историческим памятником событий, связанных с войной. На его стенах было помещено 177 мраморных плит, на которых было изложено в хронологическом порядке краткое описание сражений, бывших в пределах России и вне ее. Указывалось время и место сражения, командующие войсками, перечень войск и орудий, принимавших участие в деле, имена убитых и раненых офицеров, общее число выбывших из строя солдат и имена отличившихся в данном сражении и получивших награды. Особо отмечались лица, получившие орден св. Георгия. Эти 177 досок были размещены на 59 стенах. Каменная летопись Отечественной войны, представляющая из себя неизмеримую меморальную ценность. Где же она? Разбита на щебень для укрепления плавательного бассейна? Не говорит об этом Шамаро, но он весьма недоволен тем, что на мемориальных досках нет имен погибших и раненых солдат. Да, их поименно нет, но подумал ли московский специалист по атеизму, возможно ли это было осуществить, если только в одном Бородинском сражении погибло и было ранено 45000 солдат? Да и был ли тогда вообще поименный учет всех выбывших из строя? Сколько бы потребовалось еще дополнительных досок и стен?

А дальше начинается атеистическая демагогия. "Для нас, — заявляет Шамаро, священная память о героях-победителях в Отечественной войне 1812 г. — главнейшая ценность и высшее предназначение храма Христа Спасителя. А что видели в нем те, по чьей воле он был спроектирован, заложен и возведен, — "царствующие особы" (в первую очередь Николай I), высшие церковные иерархи и сановники? Храм Христа

Спасителя, был задуман и построен для прославления государственной церкви и российского самодержавия — "царствующего дома Романовых". Вернее наоборот: самодержавия и православной церкви".

Думается, что едва ли царствующий дом Романовых в этот исторический период нуждался в такого рода прославлении. Для этого нашлись бы иные, более легкие и эффективные способы, чем строительство кафедрального собора, связанное с большими трудностями. Храм строили верующие люди, для которых возводимая церковь являлась свечей, зажженной во имя Господа. Храм посвящен "Спасителю мира, спасшему Россию", — сказал митрополит Филарет при его закладке. И думается, что вопреки мнению московского атеиста, это было главной причиной построения грандиозного кафедрального собора.

Шамаро уверяет, что после отделения церкви от государства были прекращены ассигнования на его содержание и храм

якобы пришел в упадок. Самым разумным, по мнению Шамаро, было превращение его в музей. С этим были согласны все, заявляет он и ссылается, например, на письмо работницы Краснопресненского трамвайного парка, предлагавшей храм закрыть и предоставить под музей. Ссылается он и на письмо рабочих Москворецкой ткацко-отделочной фабрики и др. Думается все же, что мнения отдельных московских рабочих не являются достаточным основанием для кулачной расправы с ценнейшим памятником церковного зодчества. Вопреки мнению Ленина, каждая кухарка все же не может управлять государством, так как для этого надо знать, как управлять, и обладать достаточным культурным уровнем, что отчетливо и видно на истории кафедрального храма. Сами не знали что уничтожали. "Памятник этот мы не уберегли" — кается Шамаро. Не уберегли и не хотели уберечь и сами написали эту позорную страницу в истории советского государства.

Томас МЯНОВИЧ

ГИБЫ: ВНОВЬ ОТКРЫТЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НКВД В ПОЛЬШЕ

По неподтвержденным сведениям Хрущев предложил в 1956 г. Гомулке официальное раскрытие правды об убийствах в Катыни, но последний это отклонил. В апреле 1987 г. в рамках ведомой Ярузельским и Горбачевым обманной операции, называемой "гласность", в Москве было подписано соглашение, предусматривающее раскрытие "белых пятен" польско-советской истории. Хотя в предусмотренной комиссии должны принять участие только партийные историки, немецкая пресса писала об этом соглашении с большим оптимизмом¹.

Первая возможность выяснить проблемы польско-советских отношений не заставила себя ждать. В июле 1987 г. местное население обнаружило около местечка Гибы в северо-восточном воеводстве Сувалки братские могилы времен Второй мировой войны, где было зарыто минимум 20 трупов.

12–15 июля 1945 года советское НКВД провело в этих местах большую облаву; по данным свидетелей, были арестованы по крайней мере две тысячи человек².

Они исчезли бесследно, вывезенные куда-то на грузовиках. В составлении списков для проведения арестов участвовали как раз тогда организованная польская тайная полиция УБ³.

Сразу же после обнаружения массовых могил в местечке появилась правительственная комиссия. В ее составе были, между другими, представитель института по исследованию преступлений нацистов, а также врач — тот самый, который делал вскрытие

тела убитого агентами тайной полиции священника Попелушки. Ничего удивительного: комиссия приехала с заранее приготовленной резолюцией, согласно которой Гибы причислялись к преступлениям нацистов в Польше.

Однако эта версия оказалась наглядно несостоятельной, т. к. в могилах были найдены пуговицы от немецкой военной формы и немецкие опознавательные знаки. Тогда сейчас же была дана новая интерпретация: в Гибах погребены немецкие солдаты из местных лазаретов. Эту версию возгласил официально польский правительственный спикер Урбан.

Но Урбан не сказал ни слова о том, что комиссия сейчас же прекратила свою работу, когда в могилах было найдено два трупа со связанными руками и ногами. Трудно поверить, что немецкие санитары связывали руки и ноги у своих же солдат. Кроме того, ни один из обнаруженных скелетов не имел на ногах обуви. Невозможно также ответить на вопрос, отчего бы немцы стали хоронить своих умерших раненых тайно: все трупы были зарыты глубоко в землю. И почему они не сделали могильных холмиков? Почему не поставили крестов? И наконец: никто из жителей не помнит, чтобы во время войны в этой местности были немецкие полевые лазареты. Что же касается до пуговиц немецкой военной формы, то это объясняется очень легко: солдаты польской повстанческой армии (армия краева) нередко носили захваченные немецкие военные куртки, да и гражданские лица понадевали оставленные после отступле-

ния немцев куртки.

Местное население уверено, что около Гиб были открыты жертвы советских преступлений. Граждане основали комитет для расследования, куда девались исчезнувшие в июле 1945 года жители из района Сувалки. В сентябре 1987 г. начальство распустило этот комитет и запретило расследования. Польская независимая пресса (подпольная и эмигрант-

ская) называет Гибы "новая Катынь". Но немецкая пресса сообщила 31 августа 1987 г.: "При раскопках многие жители из этой местности были зрителями. Большинство, как кажется, было уверено, что это не тела исчезнувших жителей этой местности".

Нельзя портить отношения с Советским Союзом особенно в эпоху Горбачева и при одновременном чествовании Хонеккера.

¹ см. J. Vietig "Der Abbau in der Polnischen Geschichtsschreibung vor allem won der Erlaubnis des Kremlsab". Süddeutsche Zeitung vom 13.8.1987.

² см. R. Bassett "Graves Mark Site of Soviet Massacre of Poles", Say Locals. The London Time, Sept. 21, 1987.

³ см. F. Jankowski "Jeszcze jeden Kuityń?" Kultura (1987) N11, s. 6-7.

В. Пирожкова

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Воспоминания о детстве и юности

*Мы, дети страшных лет России,
Забить не в силах ничего.*

Вступление

До сих пор в эмиграции печатались большей частью воспоминания людей, детство которых прошло еще в дореволюционное время. Воспоминания же из советской эпохи повествуют преимущественно не о детстве, а о переживаниях взрослых и большей частью предельно страшных: тюрьмы, лагеря.

В самом деле, люди, родившиеся после революции, как будто бы еще слишком молоды для воспоминаний детства. Картины детства особенно живо встают перед глазами совсем старых людей. Чем старше человек, тем яснее он видит далекое прошлое. Но все же и родившиеся вскоре после революции начинают приближаться или уже перешагнули за половину седьмого десятка своей жизни, а не всем дано долголетие. Не настало ли время попытаться показать, какую печать российская катастрофа наложила на тех, кто увидел свет Божий после ее свершения. Конечно, у каждого оно протекало различно и бывало у многих гораздо страшнее, чем то, о котором я говорю. Но те пусть сами опишут его. При всей внешней благополучности моего детства на меня случившаяся катастрофа наложила неизгладимую печать, и внутренне это, может быть, не менее страшно, чем детство в разбитых семьях и среди полного разгрома вокруг. Попробуем же набросать несколько картинок.

Когда мне приходилось 1 мая и 7 ноября проходить со школьной демонстрацией по площади Жертв Революции, когда дети пели "Вы жертвою пали..." и знамена склонялись перед памятником, я всегда думала о жертвах противоположной стороны.

Прежде на этой площади был Сенной рынок. В революцию же площадь стала лобным местом. В хаосе гражданской войны Псков не раз переходил из рук в руки. Дом, где тогда жили мои родители, выходил окнами на эту площадь. Псков побывал не только в руках регулярной армии Юденича, но и в руках отряда Балаховича, отбившегося от дисциплины армии и впоследствии расформированного Юденичем. Балахович устраивал себе увеселение в публичном повешении днем партизан или тех, кого он принимал за партизан. Этим жертвам и стоял потом на

площади памятник. Их было немного, но то, что творил Балахович, было отвратительно и обращало на себя всеобщее внимание. Тогда в доме, где жили мои родители, тяжелые шторы бывали весь день опущены на окнах.

Когда город занимали красные, новые господа на той же площади под прикрытием ночи расстреливали людей пачками... Мои родители не могли спать, содрогаясь от залпов. Красные убили несравненно больше людей, чем Балахович, но знало об этом гораздо меньшее число жителей. К утру трупы расстрелянных убирались, кровь, сколько возможно, заматали. Если по городу и ходили слухи, то это были лишь слухи.

Вот в одну из таких ночей, после очередного залпа, в двери дома моих родителей кто-то робко постучал. Мой отец открыл дверь и отшатнулся: в дверях стоял залитый кровью

молодой человек. "Александр Васильевич, — сказал он, — не узнаете? Меня только что расстреляли". В двери стоял один из бывших учеников моего отца по Псковскому реальному училищу. В темноте ему удалось упасть на землю до залпа, и на него свалились действительно расстрелянные, так что кровь, покрывавшая его, была кровью других, сам он не был даже ранен. Расстреливавшая команда уходила, а через короткое время приходили те, которые увозили тела и зарывали их за городом. Этим моментом молодой человек воспользовался, вылез из-под тел расстрелянных и пришел к моему отцу. Его, конечно, спрятали, и он смог спастись.

Когда это происходило, меня еще не было на свете, но я так часто слышала этот рассказ от моих родителей, что ясно представляла себе на площади во время демонстрации этого "расстрелянного" и в душе поминала его менее счастливых товарищей. Так советская ложь с детства стояла перед моими глазами в прочно запечатлевшемся образе облитого кровью человека. С детства я видела не только оболочку, но и то, что было под оболочкой.

Повторяется не только история в больших масштабах, повторяются жизненные ситуации отдельных людей и семей. В конце июня 1941 г. в двери нашей квартиры, уже совсем в другом месте города, раздался звонок. Молодой человек, стоявший у дверей, к счастью, имел совсем нормальный вид, но ситуация все же была аналогичная. Это был студент псковского Педвуза, открытого в 1936 г., где мой отец читал высшую алгебру. "Александр Васильевич, — сказал он, — нам, студентам, дали какие-то старые винтовки и так, в гражданской одежде, послали навстречу наступающим немцам. Я бросил винтовку и сбежал не из трусости, а потому, что я не хочу воевать за советскую власть. Спрячьте меня". Мой отец, конечно, никогда не высказывал открыто своих убеждений, это было бы самоубийственно, но студенты, которые его очень любили, как и прежде ученики, знали и без слов, "чем он дышит". Этот студент пришел к нам с полным доверием и не ошибся.

Глава 1. СЕМЬЯ Отец

Наряду со Псковом и Петербургом, о котором еще будет речь, в мои воспоминания детства вплетается Смоленск. Особенно его прекрасный собор остался в памяти. Если я во сне еду в Россию, то обычно еду в мой любимый Петербург. Но иногда я ехала в Смоленск, к тете, одной из четырех.

Семья, из которой вышел мой отец, была

большая: четыре брата и четыре сестры. Дедушка мой был небольшим служащим. Все четыре брата окончили Петербургский университет по математическому факультету и одна из сестер окончила Высшие женские курсы, тоже по математике. Территориально ближе к Смоленску, где жила семья, была Москва. Отчего старший брат, Михаил Васильевич, который был на 12 лет старше моего отца, поехал в Петербург, я не знаю. За ним последовала его сестра Мария Васильевна, на два года младше старшего брата. Учиться им было не так легко, но возможно. Оба прирабатывали частными уроками. Следующие братья ехали в Петербург по традиции и потому, что могли рассчитывать на помощь старшего брата. Мой отец был вторым сыном, между старшим братом и ним родились четыре девочки.

Михаил Васильевич вошел в русскую литературу своей издательской деятельностью. Издательство, основанное им, было небольшое, но претенциозное: он издавал только хорошую литературу, имел лицензию на первое полное издание сочинений Мережковского и ряда других писателей. Издавал он и журнал П. Струве (когда последний отошел от марксизма) и С. Франка "Полярная звезда". С. Франк упоминает об этом в своей биографии П. Струве. Такая установка в издательском деле принести капитала не могла, и издательство дяди в конце концов прогорело. Он стал снова преподавателем математики. Кроме того, он делал переводы с французского. Я теперь уже не помню, в каком советском издании я читала насмешку над русским интеллигентом, у которого на книжной полке стоит непременно "томик Бертрана в переводе Пирожкова", но мой дядя действительно первым перевел Бертрана на русский язык. Разорение его издательства спасло ему жизнь в революцию. В 30-х гг. до него бы добрались, но он скончался в 1929 г. 62 лет от роду. Мой отец много про него рассказывал, но я его не помню, хотя, вероятно, маленьким ребенком видела.

Математика стала в семье традицией. Мой отец был математиком по призванию. Он жил в свое студенческое время в квартире своего старшего брата, помогал ему в издательских делах и, между прочим, блестяще закончил университет. Но второй брат, Алексей Васильевич, мягкий и безвольный, стал жертвой семейной традиции. Его тянуло к искусству и литературе. Он был прекрасным пианистом-любителем и, без сомнения, мог бы поступить в консерваторию. Или, если в университет, то на славистику. Но не решаясь прервать традицию, установленную ведь даже не отцом, а только старшим братом, он поступил на математический факультет и, занятый издательской работой брата, чуть не

застрял в своем учении совсем. Младший брат, Владимир Васильевич, гораздо более решительный, приехал в тот же Петербург, в ту же квартиру Михаила Васильевича и поступил на тот же математический факультет. Осмотревшись и увидев, что старший брат слишком загружает Алексея издательской работой, а тому математика и так дается с трудом, он просто снял отдельную квартиру, пришел домой и сказал Алексею: "Собирай свои вещи, мы переезжаем". Тот покорно собрал вещи и, вероятно, лишь потому благополучно, хотя и с затратой большого труда, закончил университет. Не так просто было тогда с квартирами!

В советское время Алексей Васильевич преподавал математику в каком-то техникуме в Смоленске. Оба брата и старшая сестра вернулись в родной город. Другие сестры и не уезжали. В советское время у них были крохотные квартирки, все в прилежавших небольших домиках, выходящих в один и тот же двор. Получилось настоящее "гнездо", избавившее моих родных от многих неприятностей с чужими соседями. Несмотря на то, что младший брат, математик, был у него под рукой, Алексей Васильевич писал регулярно длинные математические письма моему отцу, т.к. он часто не справлялся сам с теми заданиями, которые должен был дать своим ученикам. Мой отец терпеливо решал их и писал брату объяснения.

В семье моего отца, среди его братьев и сестер, господствовала типичная русская интеллигентская петербургская атмосфера. Получили ли они эти задатки уже в своей семье — мои бабушка и дедушка с отцовской стороны умерли, когда меня еще не было на свете, — или приобрели в студенческие годы в Петербурге, не могу сказать. Непрактичность в житейских делах, высокая мораль, почти ригористическая гуманность, интеллектуальная честность и гражданское мужество мало приспособлялись к жизни в советских условиях. И если они уцелели, то лишь благодаря своему сугубо неидеологическому, абстрактному предмету: математике. Даже советским пропагандистам было неясно, как можно включить в урок математики коммунистическую или атеистическую пропаганду. А специалисты царского времени еще были нужны. Нельзя было выбросить всех.

Интеллектуальная честность и гражданское мужество были моему отцу в высшей степени присущи. Одна сцена моего детства до сих пор стоит перед моими глазами. Мне было тогда 6 лет. Как случилось, что я осталась в комнате, уже не помню. Но хорошо помню wysokieго детину, пришедшего к моему отцу с угрозами. Это был один из выдвиненцев. Выдвиненцами в 20-е годы назывались бывшие партизаны, активные комсомольцы и

другие любимцы власти, которых власть за политические заслуги посылала в разные учебные заведения, очень часто в техникумы. Так хотели создать новых, преданных власти специалистов. Некоторые из них были способны и могли учиться. Но многие владели лучше винтовкой, шашкой или примитивными пропагандными фразами, а "грызть гранит науки" приспособлены не были. Однако преподаватели, в большинстве своем из старой интеллигенции, их очень боялись и часто ставили удовлетворительные отметки, хотя никаких знаний у выдвиненцев не было. Друг другу преподаватели рассказывали самые курьезные вещи об экзаменационных ответах выдвиненцев. Один из коллег моего отца, преподаватель русского языка и литературы, принес моему отцу раз целое сочинение такого выдвиненца на тему "Исторические личности в поэме Пушкина "Полтава". Оно начиналось так: "В поэме Пушкина были две исторические личности, личность Петра и личность Мазепы, была еще третья историческая личность, личность короля Карла. Она жила в Швеции". Под конец автор сообщал, что "Петр велел привезти из Москвы в Полтаву Анафему и она там гремела вместо Мазепы", и заканчивал сочинение: "Так Петру поставили памятник, а Мазепу похоронили".

Не знаю, какую отметку получил кандидат за это сочинение, но по математике мой отец упорно отказывался ставить удовлетворительную отметку, если не было хотя бы минимума знаний, независимо от того, кем был этот ученик, выдвиненец или нет. И вот один из этих выдвиненцев, получавших у моего отца систематически неудовлетворительные отметки, вошел в нашу квартиру. Отец предложил ему сесть и спросил, зачем он пришел. Парень заявил: "Если вы не поставите мне тройку, я донесу, что вы были начальником бронепоезда белых во время гражданской войны". Выдумка этого парня была так же топорна, как и он сам. Мой отец был глубоко невоенным человеком и никогда не держал в руках какого-либо оружия. Когда он впервые явился на призывной пункт, он вытащил непризывной билет, а в Первую мировую войну его не призвали в армию как педагога. В России так бурно развивалось школьное дело, так не хватало педагогов всех видов школ и гимназий, что даже во время войны педагогов не призывали. В гражданскую войну все симпатии моего отца были на стороне белых, но сам он не воевал. Тем не менее угроза была нешуточная, хотя еще и не наступили страшные 30-е годы. Тем более, что в 1924 г. мой отец был временно арестован, о чем расскажу позже, арестован он был как раз по ложному доносу.

Однако мой отец выслушал угрозу парня, молча встал, открыл дверь и сказал только одно слово: "Вон!" Я помню, как этот детина встал и как-то съежился, точно стал меньше ростом, и, как побитая собака, "поджав хвост" выскочил из комнаты.

Никакого результата не было. Мне потом не раз приходилось наблюдать, как в тоталитарных режимах отсутствие страха может спасти человека. Представители этих режимов, конечно, на не очень высоких постах, или прислужники режима судят всегда по себе: они не могут себе представить, чтобы кто-либо воспротивился им, не имея "прикрытия" где-то наверху. И нередко они отступают, чтобы "не связываться", а то кто его знает... В детстве моей любимой сказкой была коротенькая сказка про "сумасшедшего

зайца". Один заяц созвал заячье собрание, влез на пенек и держал речь о том, что не надо бояться волков, пора, мол, перестать праздновать труса. Эту речь услышал волк и решил: "Вот этого оратора я и съем". Увлечшись своей речью, заяц не заметил волка и удивился, что его слушатели вдруг разбежались. Он оглянулся, увидел волка перед собой и... прыгнул на волка! Что ему еще было делать? И волк... убежал. В свое оправдание волк потом себе говорил: "Мало ли зайцев в лесу, а этот какой-то сумасшедший". Вот так "сумасшедшие зайцы" иногда и проскакивали.

О стойкости моего отца еще будет итти речь. Меня его пример воспитывал лучше, чем это могли сделать длинные рассуждения.

(Продолжение следует)

При разборе бумаг я нашла предсмертные стихи И. Сабуровой, которые никогда не были напечатаны. Думается, что эти прощальные стихи мужественного человека, прекрасной писательницы, нашей сотрудницы, ушедшей от нас в иной мир уже почти 9 лет тому назад, должны увидеть свет. Мы предлагаем их вниманию читателя.

В. ПИРОЖКОВА

Ирина САБУРОВА

* * *

Милый друг —
Видишь, как сужается круг?

И не спросишь: "А помнишь то-то"?
И не скажешь: "А мы с тобой..."
Так же слушают — готтентота.
Интересно, но — мир чужой.

И всегда так было со всеми,
И, конечно, как смерть — не ново.
Где ж найти мне такое слово,
Чтобы в нем не звучало время?

Дай мне руку, призрачный друг —
Видишь — наш смыкается круг.

* * *

Как можно проще. Просто — до предела.
Чтоб в каждом слове — комментарий том.
Жила. Любила. Тосковала. Пела.
И строила — и корабли, и дом.

Но — корабли уходят, чтоб вернуться?
(А если не вернутся, что тогда?)
А умираешь — чтобы — там — проснуться.
Ну вот и все. Все хрупкие года.

Треск атомов, расщепленных, как люди.

Но есть и в одиночестве покой —
Заранее приняв все то, что будет,
Быть до конца, всегда, самим собой.

И твердо знать, что свет — граница тени.
Раз в доме свет — тень ляжет на порог.
Без вывертов, а просто на коленях
Сказать: вот так. А дальше — судит Бог.

РЕЗИГНАЦИЯ

Всю жизнь я в клетках томилась,
Вылет из них искала.
В одни меня посадили,
В другие сама попала.
Теперь, наконец, устала.
Забилась в углу и довольна.
Как будто даже... не больно.
Есть солнце. И в небе, и в луже...
А вылет? Он больше не нужен.

* * *

Вот теперь я вхожу в свой дом.
Так проходит позднее счастье.
День сегодняшний, настоящий —
Будет завтрашний за окном?
Он не первый — последний дом.
Только прошлого нету в нем.

За окошком — цветы и листья,
На пороге — тихие мысли.
Тишина, как редкое счастье...
День сегодняшний, настоящий —
Будет завтрашний за окном?
Он не первый — последний дом.
Только песни не будет в нем.

* * *

Я спокойно складываю оружие.
Теперь уже все равно.
Голову больше не закружит
Ни любовь, ни слава, ни вино.
Я знаю, что было нужно —
Но, раз этого не дано —
Значит, будет темно.

Жизнь меж двумя поколениями
Какая была — прошла.
К революции и к Империи
Пристать я никак не могла.
Одна убивает — другая умерла.

А синица моря не зажгла.

Мне ж хотелось быть не синицей,
А большою, Синею Птицей.

Итог подвести бесстрастно, —
 Радости, горести счесть —
 Можно, хотя и напрасно,
 Если так просто ясно:
 В мире этом — прекрасном —
 Не каждому место есть.

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

Невежда начинает с поучения, а кончает кровью.

Борис Пастернак.

Кровь пятнает любую идею, насилие унижает любую мысль.

Стефан Цвейг.

Все, что может пойти не так, пойдет не так самым худшим образом.

"Закон Мэрфи".

1. Ельцин и Лигачев

В западной печати опубликована речь Ельцина на октябрьском пленуме ЦК. Приводим основные места из этой речи: "Мне трудно объяснить рабочему заводу, почему на 70-м году его политической власти он должен часами стоять за сосисками, в которых крахмала больше, чем мяса, а на ваших, товарищи, праздничных столах есть и балычок, и икорка, и другие деликатесы, полученные без хлопот там, куда его близко не подпустят. Как я должен объяснить это ветеранам и участникам Гражданской войны, которых и осталось-то — по пальцам перечесть. И каково мне выслушивать их, когда они говорят, что это обеды с праздничного стола? Как я должен смотреть им в глаза? Ведь это они, не щадя жизни, завоевали и вручили нам власть. Нет, не надо, товарищ Лигачев, на меня кричать и поучать меня не надо! Нет, я не мальчишка, и у меня такая принципиальная позиция. В этой связи, товарищи, я вынужден просить политбюро избавить меня от мелочной опеки Раисы Максимовны (Горбачевой), от ее почти ежедневных звонков и нагоняев.

У меня подготовлены некоторые цифры по сокращению административно-управленческого персонала по Москве в различных ведомствах. Вот где буксует перестройка! Вот где тормоз! Вот где вязнут в чиновничьем болоте все наши благие замыслы. Товарищи, нам надо ясно понимать, что пока мы не разгромим армию бюрократов-волокильщиков, именно армию, товарищи, перестройке хода не будет. Не улучшаются дела и в торговле. Те же чиновники из министерств всеми силами покрывают вору от прилавка. Я думаю, не из гуманных соображений. Нет, товарищ Чебриков! (КГБ). Пора употребить власть! А власть у нас есть. Она нам вручена народом" (Р. М. 5.2.88).

Официальная реакция на речь Ельцина выражена следующим образом: "Был Троц-

кий, сторонник административно-военных методов управления, перманентной революции и перетряхивания кадров, он уже в 1923 году подверг критике бюрократизацию аппарата. Об этих сторонах его взглядов напомнил недавно профессор Г. Попов в статье для газеты "Московские новости", посвященной анализу концепции перестройки Б. Ельцина" (Р. М. 5.2.88).

Неофициальная реакция выражена в статье "Борис Ельцин или Емельян Пугачев" в независимом журнале "Референдум" (редактор — Лев Тимофеев): "Документ, который мы комментируем, конечно же, предельно наивен. Наивно говорить, что нынешняя государственная структура есть политическая структура рабочих. Наивно предполагать, что, не решив проблему производства, можно как-то удовлетворительно решить проблему распределения. Изобилие не настанет, даже если на всех поровну распределить все продукты из всех партийных кормушек. Если в стране не хватает мяса или других продуктов, то наивно считать, что виноваты в этом работники торговли. Наивно предполагать, что именно чиновники-бюрократы, эта извечно служебная структура, способны погасить стремление верховной власти к политическим и социальным переменам, — если, конечно, желание перемен у верховной власти действительно есть...

Так кто же он такой, наш герой? Не вполне понимая всю сложность экономических процессов при социализме, всю глубину кризиса, имеющего истоки 70-летней давности, он видит лишь вечное противостояние бедных богатым. Не будучи достаточно смел, чтобы подвергнуть сомнению политические основы сегодняшней власти, он видит лишь весьма удобное противопоставление чиновников народу. Не зная, как и на каких принципах надо бы организовать жизнь общества и страны, чтобы впредь избежать нынешних проблем, автор прибегает к романтическому

пафосу отрицания.

Вчитайтесь в эту речь, это страшный документ: автор зовет к бунту! Сегодня, когда внутренние оппозиционные настроения общества столь сильны, а нравственная позиция правящих структур столь слаба. Каковы были бы последствия? "Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный", — не нами сказано. Вот почему речь Ельцина стала документом фольклора. Она напоминает подметные письма, ходившие во времена Пугачева. Бывают в истории ситуации, когда фольклор такого рода становится политической силой — и силой опасной!

Скажем в заключение, что если эта речь истинная, то Ельцин из высших кругов власти выгнали правильно. Серьезный государственный деятель не должен мыслить на уровне придорожного строителя. Не потому, что одно хуже другого, но просто жанры разные. И ответственность разная" (Р. М. 19.2.88).

Московский писатель Юрий Нагибин дал в Сан-Франциско интервью для "Русской мысли" (и такое сейчас бывает), где, в частности, сказал: "Ельцин всегда мне казался фразером. Это авантюрист и демагог, который хотел сыграть роль — знаете, как во Франции, — левее якобинцев. Он для Москвы ничего не сделал. Он был показушник" (Р. М. 15.4.88). Корреспондент "Русской мысли" М. Лемхин добавляет: "Ведь Андропов — один из отцов-основателей перестройки. Скажем осторожно, "один из". А может быть, и просто один?" (там же). Спросим и от себя: если Ельцин "левее якобинцев", то авторы перестройки в экономике — якобинцы, Робеспьеры?

Как сообщает "Русская мысль", "В Москве преемник Ельцина Лев Зайков публично сетовал по поводу ужасного состояния столицы: магазины пусты, транспорт переполнен, жилплощадь предоставляется недостаточно быстро, жизнь в Москве становится все труднее. И это в столице, в провинции, естественно, несравненно хуже" (Р. М. 18.3.88).

О положении в руководстве партии "Посев" сообщает: "3 декабря французская газета "Монд" опубликовала интервью Лигачева, где он поведал о новом распределении обязанностей (а соответственно, и власти) между ним и Горбачевым. "Что касается меня, — сказал Лигачев, — я возглавляю заседания секретариата ЦК и по поручению политбюро организую работу секретариата. Горбачев председательствует на заседаниях политбюро". Лигачев стал больше, чем вторым человеком в партийной иерархии. Как шутят журналисты на Западе, его теперь можно назвать "Номер полтора". Ситуация весьма

необычная. Конфликт между "номером один" и "номером полтора" запрограммирован, он только ждет своего принципиального оформления" ("Посев", № 1, 1988).

Как сообщается, 4 февраля Верховный суд СССР реабилитировал 10 осужденных на процессе 1938 года: Бухарина, Рыкова, Раковского и других. Еще 10 осужденных — Крестинский, Гринько, Шарангович и другие — были реабилитированы ранее, говорится в том же сообщении. Нереабилитированным по этому делу остался только Ягода (НКВД): генеральный прокурор не внес протест на приговор по его делу. Советская пресса подчеркивает, что реабилитация носит строго юридический, а не политический характер (Р. М. 12.2.88). Советские газеты сообщают, что комиссия политбюро по изучению репрессий 30–50 годов продолжает свою работу. "Правда" пишет, что данная реабилитация проведена "в соответствии с решениями октябрьского пленума ЦК" — того, где был снят Ельцин ("Правда", 7.2.88). По замечанию одного проницательного наблюдателя, это звучит как подпись Лигачева.

5 февраля был снят с поста председатель Госплана Талызин, назначенный Горбачевым в 1985 году. Толковать ли это как признание неудач в экономике? Талызин был переведен на незначительный пост председателя Бюро по социальному развитию. Новым председателем Госплана назначен Ю. Маслюков, ранее работавший в Госплане вместе с нынешним премьер-министром Рыжковым.

17–18 февраля состоялся пленум ЦК. Как и ожидалось, Ельцин освобожден от обязанностей кандидата в члены политбюро, а Маслюков избран на этот пост. Кроме того, кандидатом в политбюро избран секретарь ЦК Разумовский, ответственный за организационный отдел (кадры), который участвовал в снятии Ельцина на пленуме московского горкома. Новым секретарем ЦК по военно-промышленному комплексу — взамен Зайкова, переведенного первым секретарем московского горкома на место Ельцина — избран О. Бакланов, бывший до того министром ракетной промышленности (тоже из ведомства Рыжкова). Заметим, что Талызин остался пока кандидатом в члены политбюро. Похоже, что и это почерк Лигачева.

Что касается Зайкова, то он дал беспрецедентное интервью журналу "Ньюсуик", где сообщил, что "когда Лигачев отсутствует, я руковожу секретариатом ЦК" ("Монд" 30.3.88). Вероятно, это означает, что между Лигачевым и Зайковым достигнуто соглашение.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос о новой школьной реформе. Предыдущая школьная реформа была одобрена 4 года назад по

предложению Андропова. С докладом выступил Лигачев, который отметил, что "есть основания для внесения **кардинальных изменений** в установки (андроповской) реформы. Она подтолкнула общеобразовательную школу к развертыванию массовой профессиональной подготовки старшекласников по простейшим специальностям. Такой подход противоречит нынешней социально-экономической реальности. Есть поэтому логика в том, чтобы **снять с нашей школы обязанность массовой профессиональной подготовки рабочих кадров** и дать ей возможность сконцентрировать свой потенциал на обеспечении самого высокого качества общего образования. Отсюда вытекает потребность в постановке профессионально-технического обучения преимущественно на базе общего среднего образования". — Не объявит ли нам Лигачев на очередном пленуме о том, что и все прочие реформы Андропова "противоречат реальности" и что пора город Андропов переименовать обратно в Рыбинск?

Пленум, кроме того, постановил, что "ЦК считает недопустимым отвлечение в учебное время студентов и учащихся на различные работы и мероприятия, не связанные с учебным процессом". Неизвестно, будет ли соблюдаться этот запрет посылки школьников и студентов на сельхозработы, хотя он сохраняет возможность отправки их в "неучебное" время, т. е. по воскресеньям и во время каникул. Все же отметим, что этот "лигачевский" запрет сформулирован юридически, что значительно лучше экономической оговорки в "горбачевском" законе о предприятии, где сказано, что "выполнение предприятием не предусмотренных планом работ или услуг по заданиям вышестоящего органа и решениям Советов осуществляется с возмещением затрат теми предприятиями, для которых они выполнены". — Пойди попробуй получи "возмещение" у начальства!

В докладе на пленуме ЦК Лигачев, кроме того, сказал: "Извне нам назойливо подбрасывают идею либерализации советского общества. Разумеется, в ее западном понимании, когда упор делается на формально-процедурные моменты ради воспроизводства капиталистических отношений. Конечно же, мы ни в коей мере не собираемся копировать буржуазный либерализм, этот политический обман".

Почему же обман? Вот в Мексике в 1910–1917 гг. произошла революция, и с тех пор у власти стоит Институционно-революционная партия, которая выдвигает кандидатов в президенты и в конгресс. Однако президент выбирается народом на прямых выборах, причем срок его полномочий ограничен 6-летним периодом, и по конституции абсолютно запрещено избрание президента на

новый срок. В рядах ИРП издавна существует левое и правое крыло, которые представляют собой более серьезные силы, чем вся оппозиция, что создает некий суррогат двухпартийной системы.

При такой системе Сталин должен был бы конкурировать на выборах с Бухариным или Кировым и не смог бы совершить своих преступлений, в том числе — против самой партии.

С другой стороны, пусть даже не такая конституция, а всего лишь введение выборов генсека на съезде или в ЦК из двух кандидатов с запрещением переизбрания на второй срок — не допустило бы ни "культу личности", ни "волюнтаризма", ни "застоя"... Почему такой "формально-процедурный момент", как выбор между Горбачевым и Лигачевым, должен "воспроизвести капиталистические отношения"? Мы думаем, наоборот, что это воспроизвело бы тоталитарную коммунистическую диктатуру, без всякого обмана, но с либеральным лицом.

Отметим, что в феврале в советской прессе опубликован Указ о том, что "анонимки не будут отныне рассматриваться государственными и общественными органами" ("Правда", 7.2.88). Газета далее комментирует: "Указ ставит анонимки "вне закона". Письменное обращение гражданина должно быть подписано им с указанием фамилии, имени, отчества и содержать данные о месте его жительства, работы или учебы. Иначе письмо считается анонимным и рассмотрению не подлежит. Подавляющая часть анонимок начинена злопыхательскими и голословными обвинениями. Нередко их авторы опираются на слухи и сплетни, преследуют клеветнические и корыстные цели. Зависть и месть — двигатель "энгузиазма" анонимов". (там же). Будет ли соблюдаться этот закон, особенно в КГБ и МВД? Во всяком случае, теперь нельзя допрашивать граждан по анонимкам, требуется представить доносчика или какие-то установленные факты. Этот указ принят, конечно, в защиту начальства, но и простым людям он принесет пользу.

Напомним, что все это происходит на фоне массовых репрессий: "Генеральный прокурор СССР А. Рекунков в интервью "Правде" сообщил, что в течение лишь одного 1986 года органами прокуратуры было привлечено к различным видам ответственности 200 тысяч должностных лиц" ("Посев", № 1, 1988, с. 26).

2. Экономика

Начнем с критических замечаний о перестройке в экономике, которые начали появляться в неподцензурной печати в Москве и в эмигрантской прессе.

Московский независимый журнал "Гласность" пишет: "Первыми у нас кончились трудовые ресурсы. Отныне не будет прибавок рабочих рук. Ускорение для того и задумано, чтобы компенсировать нехватку рабочих повышением производительности труда. В основных цехах промышленных предприятий больше четверти рабочих мест излишни, они не укомплектованы кадрами для обслуживания техники даже в одну смену. В колхозах и совхозах без малого полмиллиона тракторов и комбайнов бесхозны, для них нет механизаторов. Строительство БАМа оказалось явно ненужным. В 1987 г. свирепствует перестройка, ускоряют развитие за счет скрытого и явного сверхурочного времени, повсеместно под барабанный бой объявляют субботы рабочим днем. Естественно, люди недовольны" (Р. М. 26.2.88).

В другом письме из Москвы нам сообщают: "Перестройка звучит в Советской России и за ее пределами, наверное, чаще, чем любое другое слово из политического языка, хотя в него оно введено не Горбачевым, а Сталиным. Посмотрите советские газеты 1930-х годов и вы встретите это слово почти в каждом номере. Что только не перестраивали в те годы — как мы знаем, с одним результатом — отрицательным... Ни продуктов, ни промышленных изделий за истекшие три года не прибавилось, и очереди за дефицитом столь же длинные, как и прежде. Кооперативы не принесли облегчения — половина из них значится лишь на бумаге, действующие зависят от милости государства и чересчур дороги для большинства населения. На заводах и фабриках экономическая реформа привела пока к одному хаосу. Землю стали давать в аренду, но кто захочет батрачить на ней без уверенности в будущем, да еще утратив навык настоящего крестьянского труда" (Р. М. 1.4.88).

По сведениям "Русской мысли", стало известно, что на некоторых советских заводах рабочие не получили зарплаты за февраль" (Р. М. 18.3.88).

"Положение в экономике вовсе не улучшилось, несмотря на кажущиеся либеральными, но на самом деле такие двусмысленные законы", — пишет независимый журнал "Референдум" (Р. М. 1.4.88).

В Кельском обращении 16 эмигрантов говорится: "Намерение закрывать нерентабельные предприятия и повышать экономическую эффективность производства, выглядящее на бумаге как благое начинание, в реальном воплощении ведет к тяжелым бедствиям для миллионов людей, которым угрожает принудительное перемещение в места, куда в сталинские времена высыпались огромные массы репрессированных "врагов народа". Политика перестройки при ближай-

шем рассмотрении обнаруживает сильнейшую тенденцию советской системы к тоталитарной практике сталинского типа. Даже не прибегая к реформам, советская система уже сегодня в состоянии в значительной мере повысить жизненный уровень населения. Достаточно указать на такой путь, как радикальное сокращение расходов на вооружение, отказ от содержания на своем иждивении искусственных марксистских режимов в странах Азии, Африки и Латинской Америки" (Р. М. 1.4.88).

На этом фоне нарастающего понимания зловещей сути "самофинансирования" — диссонансом звучит статья кандидата философских наук Алексея Мясникова "Саботаж" (заметки о перестройке экономических ведомств), помещенная в той же "Гласности": "Стала очевидна реальная расстановка сил: кто за, кто против. С одной стороны Горбачев и миллионы. С другой — армия функционеров центральных органов управления. Одни озабочены судьбой страны и планеты, маразмом бытия — на их стороне верховная власть, здравый смысл и стон народа. Другие озабочены своим настоящим, карьерой — на их стороне аппарат и рычаги управления, доморощенный, но сильный и многочисленный истеблишмент... Предусматривается создать в краях и областях главные производственно-экономические управления. Вместо сокращения аппарата будет создаваться еще одна бюрократическая система под эгидой Госплана" (Р. М. 11.3.88 с. XIII).

Мы знаем, что А. Мясников — бывший политзаключенный, что у него нет ни прописки, ни квартиры, ни работы. Мы не решаемся бросать в него камни за жалкие попытки демагогического подхалимства, вплоть до того, что создание областных производственных управлений, предписанных июньским пленумом ЦК, он ставит в вину бюрократам. На деле управления эти все еще не организованы, быть может, отчасти из-за неумения бюрократов создавать учреждения с никому неизвестными полномочиями и которые окажутся, вероятно, вредными для экономики.

К сожалению, вал подобных статей катится по официальной советской прессе. Взять хотя бы наудачу статьи из "Нового мира", например А. Злобина (№ 3, 1987) или А. Нуйкина (№ 1, 1988). В рамках талантливой и резкой критики сталинизма, авторы показывают чудеса невежества в экономике и раздувают яростную кампанию, чреватую страшными бедствиями для миллионов людей. А ведь они вполне устроены и в подхалимстве не нуждаются, да и тюрьма им не грозит. Не ведают, что творят? Это тогда та простота, что хуже воровства. Но похоже, что зачастую это — открытая ложь. Вот например: "Уп-

равленцы и канцеляристы игнорируют решения (партии) столь открыто, столь безбоязненно, даже нагло! Факты? — Указ о борьбе с нетрудовыми доходами, отбросивший общество в решении задач (перестройки) далеко назад. По стране прокатилась лавина гонений на людей... Уж не нарочно ли кто-то старается вбить клин между высшими эшелонами власти и народом" (Н. М. № 1, 1988, с.с. 193—195). — Действительно, нужна чудовищная наглость, чтобы постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров о борьбе с "нетрудовыми доходами" выдать за происки "канцеляристов", а не открытые действия тех же "высших эшелонов власти". Что это — рецидив слухов, распускавшихся сверху, что Сталин не знает о ежевщине? Напомним еще раз:

Шагают бараны в ряд,
Бьют барабаны.
Шкуры для них дают
Сами бараны.

Некоторое объяснение этих невероятных вещей дает В. Максимов: "Рассказывают, что один из ближайших советников Горбачева пооткровенничал недавно с довольно известным эмигрантом: — Каких-либо улучшений в экономической и социальной сфере в ближайшее время не предвидится, поэтому рабочие и крестьяне нас не поддержат. Мы учли ошибку Хрущева и поставили на один общественный слой — интеллигенцию. Она позаботится о нашей репутации во внешнем мире. — Но если это, ставшее уже традиционным соучастие советской интеллигенции можно как-то объяснить, то нынешнее состояние умов в нашей политической и культурной эмиграции не поддается никакому объяснению. Бывшие конформистские радикалы, борцы с режимом превратились в эмиграции в союзников и пропагандистов этого самого режима" (Р. М. 15.4.88).

Перейдем от пропаганды из "Нового мира" и К⁰ к сухой информации из "Экономической газеты". Мы уже сообщали о росте числа крушений на железных дорогах (Г. З. № 46 с. 16, № 47 с. 9). Приводим новое сообщение на эту тему: "Увы, не скажешь, что информация о железнодорожных катастрофах в последнее время — большая редкость. Еще в памяти аварии в Користовке (мир тесен: я жил на этой станции, на Украине, 6 лет. Е. К.), на станции Камянская, столкновение составов на Горьковской железной дороге. На перегоне Гардабаш—Касик непосредственной причиной крушения стал сон на посту локомотивной бригады грузового поезда, во время которого машинист Джюев проехал запрещающий сигнал светофора. В ноябре машинист Джюев отработал сверхурочно 108 часов, его помощник Глушвили за 11

месяцев 1987 года — 790 часов, при допустимой трудовым законодательством норме переработки не более 120 часов в год. На многих железных дорогах переработка прочно вошла в повседневную практику. Например, на Закавказской железной дороге локомотивные бригады работают буквально на износ. За 10 месяцев 1987 года сверхурочных в среднем на каждого работника локомотивных бригад приходится 513 часов" (ЭГ № 11, 1988, с. 19).

Вот еще одно сообщение: "В ночь с 31 января на 1 февраля в Ярославле сошел с рельс товарный поезд. В одном из разбитых вагонов находились отравляющие вещества. Около двух тысяч человек из окрестностей катастрофы были срочно эвакуированы" (Р. М. 5.2.88).

Общую оценку можно найти в присланной из Москвы статье Н. Берегова (псевдоним): "Пример железных дорог наиболее показательен. В известном смысле брежневский подход себя оправдал. Напротив, когда новое руководство стало требовать от министерства резко улучшить положение, это привело лишь к выявлению скрытых проблем. Некомпетентные, поспешные меры дали обратный эффект: количество аварий выросло в 1986 г. на 30%. Стараясь быстро улучшить показатели работы дорог, министерство прибегло к массовым и безжалостным увольнениям, заставив оставшихся работников резко увеличить интенсивность труда. Это, в сочетании с нервозностью и растерянностью управленческого персонала, привело к множеству аварий и катастроф" ("Проблемы Восточной Европы" № 19—20, 1987).

А вот материал "Наука на хозрасчете": "Научная продукция обрела статус товара. Цену на техническую документацию назначают заинтересованные стороны. Отраслевые НИИ и КБ сняты с государственного содержания. Они теперь должны прокормить себя сами. Но не надо забывать: заказчики у нас разные. Есть богатые и есть бедные. Пока что основные наши заказчики — атомная энергетика, нефтегазовый и оборонный комплексы — бывают щедры. Но скоро они тоже будут деньги считать. А на сегодняшний день бедные партнеры не могут оплатить договоры. Например, Госагропром не может, Минздрав не может. Может быть, регулировать эти процессы с учетом общенародных потребностей через систему налогов на прибыль? — Из диалогов: Дорого — не хотите, не берите. На то и договорная цена! — Но это же грабеж! Я должен выполнить госзаказ. И другого изготовителя такой аппаратуры в стране нет. Что же получается? Договорная система развязывает руки рвачам! Недобросовестный разработчик, пользуясь отсутствием конкурента и должного контроля за

правильным использованием средств, начал на узаконенной основе вершить приписки, заставлять заказчика растраниживать средства. Как остановить этот снежный ком? Ведь прибыль КБ должна образовываться не за счет обмана заказчиков! Как грамотно рассчитать составляющие цены — себестоимость и рентабельность? В промышленности мы это делаем плохо, а в науке — совсем не умеем и вряд ли скоро научимся” (ЭГ № 6, 1988, с. 6). Другое сообщение на ту же тему: ”У нашего НИИ пока нет конкурентов. Мы не позволяем себе ”заламывать” цену. Сознательно ограничиваем ее 33% рентабельности” (ЭГ № 15, 1988, с. 18).

Опубликовано новое положение о порядке установления договорных оптовых цен (от 29.12.87), которое в основном повторяет пункты положения о ценах на машиностроительную продукцию (см. Г.З. № 48, с. 24), с одной поправкой: ”Договорные оптовые цены определяются исходя из экономически обоснованных затрат на производство и рентабельности к себестоимости в размере не выше планового уровня ее на текущий год в целом по предприятию”. В цитированном ранее положении (от 30.10.87) рентабельность допускалась в размере, повышенном до 1,5 раза по сравнению с нормативным уровнем. В новом положении далее говорится, что ”предприятие несет ответственность за строгое соблюдение дисциплины цен и обязано не допускать их завышения. Необоснованно полученная предприятием прибыль в результате нарушений государственной дисциплины цен подлежит изъятию в бюджет (за счет хозрасчетного дохода коллектива) и исключается из отчетных данных о выполнении плана. Предприятие, допустившее завышение цен и получение необоснованной прибыли, дополнительно уплачивает в бюджет штраф в размере незаконно полученной прибыли за счет хозрасчетного дохода коллектива”. — Опять-таки, нигде не указано, как определять экономическую обоснованность цен на новые изделия, когда опыта их производства еще нет. Существовавший в 1969—1982 гг. порядок, когда цена устанавливалась на базе плановой рентабельности и фактической (а не расчетной) себестоимости — отвергнут. Нынешний порядок — это полный произвол, при котором работники предприятия в любой подходящий момент могут быть обвинены в экономической необоснованности цен и подвергнуты уголовным и прочим репрессиям за нетрудовые доходы.

Вот несколько сообщений о ценах: ”В промышленности в 1981—85 гг. рост основных фондов опережал рост мощностей в 1,3 раза. Это означает, что примерно треть капитальных вложений была связана с удорожанием цен” (ЭГ № 15, с. 8). ”За четыре

года на ряде заводов при росте объемов выпуска эмалированной посуды в различных ценах на 7—13%, действительный объем производства в штуках снизился на 2—5%”. (ЭГ № 7, 1988, с. 19). ”Сегодня иные кооператоры зарабатывают по 10—15 тысяч рублей в месяц. Есть смысл уточнить, во сколько раз цена на готовую продукцию или услуги может превышать фактические затраты на производство” (ЭГ № 12, 1988, с. 12).

В целом ”Экономическая газета” так оценивает положение в директивной статье: ”Увеличение товарооборота в последние годы все в большей мере происходит за счет повышения цен как на алкогольные напитки, так и средних розничных цен реализуемых товаров. Повысились цены колхозного рынка. Назрела потребность дополнить принятые меры пересмотром уровня государственных розничных цен, ограничением и изъятием нетрудовых доходов и т. д.” (ЭГ № 14, 1988, с. 6).

В начале марта опубликован проект закона о кооперации в СССР. Он вносит существенные изменения в кооперативную и индивидуальную деятельность. ”В кооперативы могут без ограничений вступать все граждане, желающие участвовать в производстве товаров народного потребления, продукции производственно-технического назначения и предоставлении услуг. Государство принимает меры к предотвращению случаев использования кооперативов для частнопредпринимательской деятельности с использованием наемного труда под видом создания кооперативов. Государство поощряет объединение в кооперативы граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. Налогами облагаются доход кооператива, а также личные доходы членов кооператива. Для обеспечения экономически целесообразного соотношения между средствами, направленными кооперативом на производственное и социальное развитие, оплату труда, ставки налогов на личные доходы устанавливаются по прогрессивной шкале. Кооперативы могут объединяться в союзы по видам деятельности и в территориальные союзы. В целях мобилизации свободных денежных средств, имеющихся у членов кооператива и лиц, работающих в нем по трудовому договору, могут выпускаться акции”.

Таким образом, для кооперативов снято ограничение о работе ”в свободное от основной работы время”, а для индивидуальной деятельности оно оставлено. Несомненно, это ”поощрит” индивидуальных вступать в кооперативы.

Цель государства ясна — снять с себя ответственность за снабжение материалами, техникой, обеспечение зарплатой, соблюдение трудовых законов и техники безопасности —

тех рабочих и служащих, которые будут переведены в кооперативы. Что до акций, то налогами, штрафами, отказом в снабжении и заказах — кооперативы могут быть в любой момент приведены к разорению, а сбережения, вложенные в акции — потеряны.

В "Экономической газете" опубликованы "Рекомендации о порядке проведения выборов руководителей и конкурсов на замещение должностей специалистов государственных предприятий". Согласно рекомендациям, свою кандидатуру вправе предложить любой трудящийся. Конкурсная комиссия на основе бесед с кандидатами и изучения материалов может рекомендовать отдельным из них снять свою кандидатуру с голосования. Если высшестоящий орган не утверждает в должности кандидата, избранного трудовым коллективом, то он должен объяснить причины отказа. В этом случае проводятся новые выборы (ЭГ №9, 1988, с. 17).

Цель этого порядка тоже ясна — снять с государства ответственность за нормальную работу предприятий и возложение ее на сами коллективы. Если им не платят зарплату, или заставляют работать сверхурочно или в выходные дни — государство здесь не при чем.

Приводим сообщения о положении в сельском хозяйстве: "Даже на базаре, где несомненно существует свободное ценообразование, что-то не видно реальных результатов действия этого механизма. Происходит нечто противоположное: цены растут, а предложение не увеличивается" (ЭГ №9, 1988, с. 5). "Сейчас, когда труд крестьян в колхозах и совхозах стал оплачиваться хорошо и у селян появились немалые "свободные" деньги, прежний основной мотив, побуждающий их заниматься личным хозяйством, ослабел весьма заметно" (ЭГ №14, 199, с. 10). "Оказалось, что никто земледелием заниматься не хочет. Много домов (в селе) пустует, не хочет молодежь уходить из городов" ("Посев" №2, 1988, с. 19).

В целом, по мнению сотрудников известного института ЦЭМИ, "Самофинансирование и другие атрибуты в условиях монополизации рынка производителем могут обращаться против потребителя и против эффективности производства. Это может привести к практической неудаче перестройки и ее моральной дискредитации" (ЭГ №7, 1988, 14).

Весьма выразительно мнение доктора экономических наук А. Дерябина: "Можно указать на целый ряд упрощенных, наивных и просто ошибочных представлений. Почему-то многие считают, что при свободном выборе поставщиков те из них, которые плохо работают, останутся без заказов, а это вынудит их работать лучше. Для такого прогресса и

состязательности нужно постоянно иметь по меньшей мере в два раза больше производственных мощностей и соответственно в два раза больше работающих. А о показателях производительности труда и фондоотдачи вообще нужно будет забыть. Но как же выходят из такого положения на капиталистическом рынке? А там действительно имеются и резервные производственные мощности, и резервная армия труда" (ЭГ №9, 1988, с. 5).

3. Судить ли сталинизм?

В пьесе М. Шатрова "Дальше!.. дальше!.. дальше!..", опубликованной в журнале "Знамя", в числе прочих слово дается Троцкому: "Я, солдат мировой революции, без колебаний отдаю себя на суд потомков", — говорит персонаж пьесы (Р. М. 5.2.88). Что же, законы для такого суда готовы — по приговору Нюрнбергского трибунала создание тоталитарного государства является преступлением против человечества.

Между тем, о суде начинают говорить и в неподцензурной печати. В ленинградском независимом журнале "Меркурий" помещена статья Елены Зелинской: "Где, в каком городе поставить бы памятник жертвам сталинского террора? — Да в каждом городе! Как в каждом городе горит вечный огонь неизвестному солдату, так пусть в каждом городе стоит памятник невинно убиенным... Отечество мое пострадало, и из тела его до сих пор сочится кровь от нанесенной ему в то лихолетье раны. И только тогда, когда будут названы виновники — с помощью специального расследования, при обнаружении всех архивных документов, с показаниями свидетелей, только тогда мы получим **юридическое и научное** объяснение тому, что происходит в нашей стране, и не только в 1937–38 годы, а начиная с 1917 и до наших дней" ("Синтаксис" №19, с.с. 137–139).

В другом независимом московском журнале "Экспресс-хроника" Александр Подрабинек пишет: "Было бы справедливо судить Генриха Ягоду за реальные, а не выдуманные Сталиным преступления — за террор против нашего народа, за организацию и проведение фальсифицированных судебных процессов, за пытки и убийства на следствиях. В этом судебном деле звучали бы и другие имена. И неизбежно были бы названы имена истинных вдохновителей и организаторов террора — от Ленина и Свердлова, Дзержинского и Троцкого до Сталина и его многочисленных подручных, из которых иные живы и по сей день. Этого требуют интересы юридической справедливости" (Р. М. 26.2.88).

В независимом журнале "Гласность" опубликована статья Г. Померанца: "Нужно ли

поступить с останками Сталина так, как он поступил с телами своих врагов (в яму с известью, чтобы и следа не осталось)? Я утверждаю — да! Сталин и после смерти вне нравственного закона. Мера его преступлений так велика, что осиновый кол — единственный приличный памятник. Однако, осина — мягкое дерево, она быстро истлевет. Долговечней царственное слово. Слова Богу, оно произнесено: Ахматовой, Мандельштамом, Даниилом Андреевым. Осталось только вычеканить вердикт поэтов на кремлевской стене. Каждый день, в который могила Сталина еще не запечатана словом, оскверняет нас самих и вносит скверну в слабые души” (Р. М. 8.4.88, с. XIV).

На конференции в Копенгагене Юрий Афанасьев, ректор Московского историко-архивного института, говорил о ”нигде официально не зарегистрированной войне, которую Сталин вел против своего народа, войне с рекордным количеством жертв” (Р. М. 1.4.88).

На ту же тему поэтического вердикта отметим, что в ”Новом мире” (№ 3, 1987) опубликована знаменитая поэма А. Твардовского ”По праву памяти” — по рукописям поэта, со всеми вариантами и разночтениями. И вот — к нашему изумлению — там пропущена строфа, вошедшая в нашу память по публикации в ”Посеве” 20 лет назад:

Зато уж вот где без изъятья
Все классы делались равны,
Все люди — лагерные братья,
Клеймом измены клеймены.

Хороша же гласность у ”Нового мира”! И ему не стыдно?

4. Страницы эмигрантской прессы

В. Максимов поднимает вопрос о двойной мере и пишет следующее: ”По новой шкале ценностей, которую нам пытаются навязать как на Западе, так и на Востоке, участники травли Пастернака делятся на две не соприкасающиеся друг с другом половины. Судя по некоторым воспоминаниям вполне вроде бы достойных людей, в ней участвовали только Сергей Смирнов, Владимир Солоухин, Николай Грибачев, Анатолий Софронов и прочая. Но попробуйте отыскать в этих воспоминаниях имена Бориса Слуцкого, Виктора Шкловского, Ильи Сельвинского, Леонида Мартынова, Николая Чуковского: их нет. Они, как говорится, не были, не состояли, не имеют. А ведь из песни слова не выкинешь, как бы задним числом мы к этим людям сегодня ни относились. По той же шкале Александр Борщаговский с Анатолием Рыбаковым, витийствовавшие последовательно, один на моем исключении, а второй на исключении Владимира Войновича, — писатели-гуманисты” (Р. М. 5.2.88).

Заметим, что В. Солоухин уже напечатал письмо в ”Литературной газете” по поводу заседания комиссии по литературному наследию Пастернака: ”Жаль, что меня не было на этом обсуждении — душа просит покаяния” (”Внутренние противоречия” № 20 с. 269).

На ту же тему пишет ”Синтаксис”: ”Этот коллаж — 1937 год — подбирался долго. И время от времени вокруг него закипали страсти. — Потрясающий материал, хотя и очень уж страшный, — сказал нам, перебирая газетные вырезки, добрый знакомый (1919 г.) и соучастник многих наших эмигрантских затей, а через несколько минут, обнаружив чудовищную статью своего старого и старшего друга, добавил: ”Только не надо это печатать” (”Синтаксис” № 19 с. 186).

В ”Новом русском слове” напечатано письмо А. Иоффе: ”Я не разделяю, будучи евреем, ни оценки личности Курта Вальдхайма, ни отношения Всемирного еврейского конгресса к правительству Австрии... Как бы повели себя мы, евреи, окажись мы арийцами в нацистской Австрии? Да и вообще так ли уж мы идеальны, чтобы быть мерилom совести?” (НРС 17.11.87). — Действительно, тут можно было бы припомнить чекистов. Но приведем пример из текущей прессы.

— В журнале ”22” проф. М. Азбель напечатал статью, в которой, в частности, говорится: ”Геббельс был прав — существует наука арийская и наука еврейская. Наука в Советском Союзе и отчасти в Европе — наука еврейская. Наука в Америке и Израиле (!) — это наука арийская” (”22” № 39, с. 119).

В том же журнале С. Резник отвечает: ”Считаю необходимым поспорить с суждениями М. Азбеля, содержащимися в его ”лирическом отступлении” об арийской и еврейской науке... Эти суждения отличаются двумя особенностями. Во-первых, игнорированием широко известных сведений из истории и философии науки. И во-вторых, весьма странной для ученого путаницей простейших терминов и понятий... М. Азбель... изобразил Эйнштейна высокомерным и заносчивым. Думаю, что этим биограф скорее охарактеризовал самого себя: давно сказано, что каждый понимает в меру своей испорченности... М. Азбель ужасается собственному псевдооткрытию, заявляя, что ”об этом даже страшно думать”... (Выделено автором.) Собственную склонность к умозрительному теоретизированию М. Азбель тоже напрасно приписывает своему еврейскому происхождению. Сама его ”теория”, по справедливому указанию автора, заимствована у такого патентованного арийца, как Геббельс” (”22” № 56 сс. 220—222).

Еще один вопрос поднял В. Максимов в

рецензии на книгу Э. Визеля: "Опыт показал, что единственное спасение еврейского народа — в обретении родины. Только существование своего национального дела навсегда освобождает еврея от вечного изгнаничества, где бы он ни жил и ни находился" (Р. М. 1.4.88).

Об этой проблеме есть и иные мнения. Вот одно из них: "Наум Гольдман, бывший председатель Всемирной сионистской организации, бывший председатель и затем почетный председатель Всемирного еврейского конгресса дошел до утверждения, что само провозглашение независимости Израиля было роковой ошибкой. Посол Израиля во Франции, приглашенный на просмотр выступления Гольдмана в студию телевидения покинул зал, настолько он был возмущен наглостью Гольдмана. Министр Гидеон Пат призвал руководителей Всемирного еврейского конгресса лишить Наума Гольдмана титула почетного президента этой организации. Если это предложение будет отвергнуто, Израиль должен бойкотировать Всемирный еврейский конгресс, сказал министр" ("Наша страна", Тель-Авив, 20.8.81).

Впрочем, редакция "Континента" недавно сама отмечала: "Трудно поверить, что Государство Израиль действительно заключило какие-то тайные соглашения о том, чтобы его гражданам затрудняли жизнь в случае постоянного жительства в странах Западной Европы. Если же, паче чаяния, такие соглашения действительно существуют, то они должны стать гласными, и сами израильские граждане смогут оценить, обоснованы ли и легальны ли такие ограничения" ("Континент" №44, с. 320). — На мой взгляд, это было бы неоправданным вмешательством во внутренние дела Израиля. Нас могут интересовать только препятствия к выезду из Израиля, бывших советских граждан — тут наша экспертиза была бы уместна.

Недостаток места мешает нам процитировать блестящую "поэму отчаяния" того же Иосифа Бейна, опубликованную в израильской "Неделе" (5.6.74 г.). Ограничимся ссылкой на официальное заявление: "Касаясь абсорбции репатриантов из Советского Союза, глава правительства Ицхак Рабин подчеркнул, что

новоприбывшим придется пройти сквозь сущий ад абсорбции, точно так же, как пришлось другим до них" ("Наша страна", Тель-Авив, 3.11.74).

Результаты такого положения очевидны: "Поступила злобная статистика: одиннадцать фалашей покончили жизнь самоубийством, еще двоих удалось спасти. Эфиопские евреи ехали в Землю обетованную. Нашли же они здесь противоречивое сложное государство и всеисие ортодоксов. Столкновение утопии с реальностью вылилось в трагедию" ("Круг" 30.10.85).

Станным образом, наша тема возвращается обратно в Австрию: "Министерство иностранных дел Австрии сообщило, что около пяти тысяч евреев, эмигрировавших из СССР в Израиль, а затем вернувшихся в Вену и живущих здесь по 5—10 лет без какого бы то ни было твердого положения, получат австрийское гражданство. Согласно комментарию организации "Бет-шаббад", которая опекает их детей, большинство этих людей, родом из Узбекистана, Грузии и Азербайджана, покинули Израиль "скорее по физическим причинам, чем по психологическим": жара и нехватка просторов, к которым они привыкли в СССР" (Р. М. 12.2.88). Что же, если уроженцы Средней Азии и Закавказья ищут привычный климат и просторы в Австрии, то комментарии здесь излишни.

В заключение — еще одно сообщение об эмиграции: "На встрече в Вашингтоне в декабре Рейган долго объяснял Горбачеву, что Америка — страна иммигрантов и что поэтому его очень заботит вопрос о праве людей беспрепятственно покидать страну и жить, где заблагорассудится. Горбачев напомнил Рейгану об ограничениях (на въезд), которым подвергаются иммигранты в США. Рейган на это ответил: есть большая разница между желанием выехать и желанием въехать" ("Посев", №2, 1988, с. 17). Как ни странно, этот раунд Рональд Рейган проиграл. Выезд без права въезда — логический абсурд и практическая трагедия. Америке давно пора привести в соответствие свои гордые слова с квотой и процедурой въезда иммигрантов из СССР.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Новый журнал" №166. В управлении ньюйоркского журнала произошли перемены. Ю. Кашкаров исчез, и власть перешла в руки редколлегии, в следующем составе: А. Антонович, В. Крейд, М. Раев, В. Сечкарев, И. Чиннов, З. Юрьева и секретарь редколлегии В. Андреева. Итого, 7 человек. Зловещая цифра! Как известно: "У семи нянек дитя

без глазу".

По первому номеру судить трудно. Но он определенно скучен, чего прежде за "Новым журналом" не водилось.

В виде беллетристики, мы имеем тут начало сумбурного романа В. Яновского "По ту сторону времени". Автор подвизается в эмигрантской литературе давным-давно и

успел себе обеспечить репутацию бездарности, каковую новое его произведение полностью подтверждает. Отсутствие таланта Яновский и здесь, как обычно, пытается прикрыть оригинальностью, вернее, причудливостью сюжета; в результате получается — галиматья.

По случаю 150-летия со дня смерти Пушкина, перепечатаны незначительные, ничем не занимательные старые статьи В. Ходасевича и Г. Иванова.

В. Крейд публикует "Неизвестную статью Гумилева", датируемую 1906 годом. Беда в том, что нет положительных доказательств принадлежности ее Гумилеву: в журнале "Аполлон" она была дана без подписи. Вот бы Крейд лучше опубликовал пьесу Гумилева "Гондола", о которой он рассказывал в "Стрельце". То-то вышла бы сенсация!

Длинный-предлинный очерк Н. Б. о М. Булгакове рядовому читателю тяжело одолеть. Разве что — тому, кто специально увлечается Булгаковым и заинтересован во всех деталях его биографии.

Единственное сколько-то живое сочинение в номере — пьеса Д. Шляпентоха "Заговор". Однако, она оставляет странное, неясное впечатление. Действие перенесено в Римскую Империю первых веков нашей эры; но все построено на прозрачных аллюзиях. Рим — это США; гунны — это большевики. Непонятно только, с кем же надо сопоставлять Метелла, пробующего спасти Вечный Город введением в нем прочной власти и гибнущего при неудаче?

Из литературоведческих статей (коих тут целая гора!), наиболее дельная и ценная есть исследование С. Шварцбанда о М. Пришвине. Об остальных ничего хорошего сказать не придумаешь.

Стихи все — весьма посредственные; даже Р. Левинзон слабее, чем всегда. Не блестящи и стихотворения Б. Ахмадулиной, воспроизводимые в связи с исполнившимся ее 50-летием.

"Русская Мысль". В номере от 1 апреля А. Ровнер, отвечая на статью Г. Померанца "Риск надежды", обличает того в неискренности, и продолжает: "Такого рода неискренность неизбежно ведет Вас к ложным посылкам, в частности, к утверждению, будто бы марксизм способен вместить в себя духовные ценности (религию, например), с которыми он ведет борьбу вот уже почти полтора века. Вы утверждаете, что нельзя отбрасывать мертвую идеологию и нельзя думать ни о какой власти в России, кроме существующей, ибо вакуум, неизбежный при таком повороте событий, чреват массовыми эксцессами... Расширение границ марксизма-ленинизма вплоть до включения в него "древних и новых религиозных движений", как считом, прикрывается у вас мыслью о

неизбежности и необходимости господства партии Ленина—Сталина—Брежнева—Горбачева".

В том же номере, в статье "Между сомнением и надеждой", К. Головин убедительно показывает, что православная Церковь находится в СССР в положении Золушки, по сравнению с протестантскими сектами: "От этих фактов, — комментирует он, — рушится расхожий миф о "Благоволении" безбожной власти к Русской Православной Церкви, который ныне с особым упрямством насаждается хулиателями России, намеренно закрывающими глаза на то, что унижение и утеснение Церкви по-прежнему продолжается. Но откуда у атеистов такая неожиданная симпатия к сектантам? Во-первых, от давнего, еще с революции, стремления с их помощью ослабить Православие; во-вторых, от упорно проводимой, — а в последнее время усилившейся политики денационализации народов, для которых православная вера была и остается основой духовно-культурной самобытности. Как нелепо на этом фоне выглядят наивные или лукавые мечтания о боевом русском протестанте, который вытеснит смиренного православного страдальца!"

В номере от 15 апреля, под заглавием "Существовала ли загадка Катыни 45 лет назад?" Ю. Фельштинской публикует письма Б. Николаевского М. Истмену, из которых видно, между прочим, "что сокрытию правды о катынском расстреле много лет способствовали правительства Великобритании и США, не заинтересованные в подрыве престижа советской власти." Публикацию, саму по себе, можно бы приветствовать. Но мы с глубоким возмущением читаем во вступительной заметке следующие слова: "Мы виноваты перед Польшей... Без раскаяния не придешь к правоте. Без признаний своих преступлений к правде".

Виноваты никакие не **мы**, а **они** — большевики; или, если угодно, **она** — советская власть. Те же **они** расстреливали наших отцов и все лучшее в России, истребляли офицеров, духовенство, интеллигенцию, раскулачивали, арестовывали, палачествовали на всю катушку. Вот они пусть и каются. Мы их законной властью не признавали и не признаем; они — не суть Россия. А потому мы и ответственности за их зверства не несем. Если мы начнем их считать выразителями воли нашей нации (как видимо, считает Фельштинский), это и будет их величайшая победа над народом, надо всеми нами. Но этого не будет никогда!

"Страна и Мир" №6. Номер чрезвычайно слаб, по сравнению с прежними. Отметим помещение статьи Г. Померанца "Риск надежды", — о ней см. выше. Из остального неплох только очерк А. Голана "10 лет на

Кавказе", несмотря на пробивающиеся в нем неприятные нотки русофобии.

По поводу 100-летия со дня рождения Н. И. Вавилова, М. Поповский возвращается к его трагической судьбе, заканчивая свое эссе "Последний рейс великого путешественника" раздирающими словами: "Человек, давший своей стране миллионы тонн хлеба, погиб, уморенный голодом".

Е. Гессен резко нападает на роман А. Рыбакова "Дети Арбата", не совсем справедливо противопоставляя Рыбакова Солженицыну: "Повесть Солженицына, изъятая из библиотек и из анналов советской литературы, — это правда вчерашнего, даже, пожалуй, позавчерашнего дня. Роман "Дети Арбата", принятый на ура читателями и критикой, получивший обширнейшую апологетическую прессу, есть правда дня сегодняшнего".

"Наши вести", №407-408. Согласимся с мыслями, высказываемыми в редакционной передовице: "Итак, гадать о том, "чего хочет Горбачев", что думают и чем дышат ныне на партократических верхах в СССР, предоставим западным советологам. Мы же, по-прежнему, "сверху" ничего не ждем, на советское руководство не надеемся".

Ю. Драценко, в рассказе "Возвращение", правильно рисует разочарование, вызванное немцами у русских в процессе последней мировой войны. Один из персонажей, офицер Русского Корпуса, побывав в Германии, рассказывает сослуживцам: "Да, немцы не доверяют нам, белым, — они боятся, что мы принесем в Россию нежелательные для них идеи возрождения патриотизма, освободительные тенденции, стремление к созданию здоровой и сильной России. У них совсем другие планы насчет всего этого... Они, конечно, хотят уничтожить советы и освободить народ от их власти, но для себя, а не для России. Ведь они сохраняют колхозы, вводят свои законы, свой порядок, власть нац-партии и Гестапо. Их "благополучие" заключается в том, чтобы из России вывезти не только хлеб, но и все, что только можно, превратив народ в рабочих-земледельцев".

К сожалению, так и было. Еще более грустно, — что подобные планы легко приходят в голову **любым** иностранцам при борьбе с Россией. А добра от них никогда не бывало, и быть не может.

"Беларускі Голас". Газета приводит определение гласности, поступившее к ней из уст народа в БССР: "Раньше били и плакать не давали, а теперь, когда бьют, то кричать разрешают".

"Калифорнийский Вестник", №№85, 86 и 87. Продолжая разбор романа В. Набокова "Дар", В. Тургаев — вовсе напрасно! — берет под защиту Чернышевского. Зато спасибо ему за воспроизведение характеристики, дан-

ной автору "Что делать" Львом Толстым: "Этот клоповоняющий господин".

Любопытен обстоятельный этюд В. Семяновича о роде князей Острожских, игравших важную роль в истории Великого Княжества Литовского.

Жаль, что чисто литературные материалы не стоят, в большинстве, на должной высоте. Этот недостаток плохо компенсируется перепечатками из Чехова, из Тэффи и др.

С немалой досадой наблюдаем перепечатку зачем-то старой статьи М. Каратеева под вызывающим названием "Норманская болезнь в русской истории". Для всякого грамотного человека ясна несостоятельность антинорманских мифов. Имена наших первых князей — Олег, Ольга, Игорь, — суть чисто скандинавские; летописцы четко противопоставляют варягов славянам, как говорящих на ином языке; сохранные в документах варяжские слова недвусмысленно обнаруживают северо-тевтонские корни; и, наконец, долго продолжавшиеся культурные и династические связи наших правителей с викингами общеизвестны. Да и что за особенная честь была бы для России, докажи кто (что, конечно, нелегко и невозможно), что ее основателями и впрямь явились славянские пираты с острова Рюгена? Все подобные теории выросли из воспаленного национализма, куда как не идущего великому народу, к которому мы имеем счастье принадлежать!

Наоборот, начало серьезной работы В. Хрущева по истории и географии Грузии богато информацией, и мы будем с любопытством ожидать продолжения.

"Записки Русской Академической Группы в США" №19. Выпуск посвящен проблемам истории. Выделяется обстоятельная статья Д. Левицкого, прослеживающая судьбы Юрьевского Университета от начала до нынешней поры. По поводу основания этого учреждения автор говорит следующее: "В лице императора Александра I на престоле был монарх, которого Клингер в письме к Гете назвал "самым благородным правителем в Европе" и заботы которого о развитии образования в России были связаны, по словам Петухова, "с высоким полетом мысли". К тому же император смотрел на Россию как на многонациональную империю и охотно шел навстречу пожеланиям представителей ее нерусских окраин".

М. Шефтель, в работе "Очерки государства и права в дореволюционной России", убедительно опровергает западные представления о неограниченности власти монархов и о необеспеченности прав граждан в Допетровской Руси, где в действительности в роли регулятора выступали обычай и религия.

Эссе О. Ильинского "Основные принципы поэзии Гумилева" представляет собою от-

ромный шаг вперед, по сравнению с примечаниями и комментариями к изданию произведений поэта дальних странствий под редакцией Г. Струве, где составители старательно и ехидно ловят Николая Степановича на ошибках в орфографии, и на каждом шагу проявляют полное непонимание его чувств и мыслей.

К сожалению, при всем своем уважении к исследуемому писателю, Ильинский далеко еще не умеет видеть его во весь рост и оценивать как должно. Он признает за ним основательное знакомство с Африкой, и пытается проследить отражение в его творчестве европейской эпохи Возрождения. Но Гумилев обладал гораздо более широким спектром познаний; его увлечения распространялись на ирландские саги и бретонские предания, на старинную персидскую поэзию, на Византию, на Китай и даже на ацтекскую Мексику. Такая широта культуры, сравнимая разве что с пушкинской, оставалась совершенно не по зубам в меру образованным русским интеллигентам, выступавшим в роли его критиков, — и отсюда трагикомические неудачи сих последних.

Вспомним печальный анекдот: Струве, разбирая "Отравленную тунику", объявил фигурирующего в ней Имра вымышленной личностью, и понадобилось вмешательство византолога, профессора Васильева, чтобы он признал знаменитого арабского поэта Имруль-Кайса! Тогда как подпочву "Гондлы" он же сводил к некоей тощей книженции по-русски об Эрике Красном, не замечая куда более глубокой осведомленности о кельтах и викингах времен раннего Средневековья, разлитой по всей этой "Драматической поэме". Что уж и говорить о недоумении почтенного гумилеведа перед упоминанием о "страшной птице Гаруде"! Гаруда по-санскритски "кондор"; но, что делать, не всякому это известно.

Грустно, право, когда любящий Гумилева Ильинский повторяет архипошлую остроту будто дивные "Капитаны" (самое известное и популярное произведение поэта) написаны де для гимназистов! В более культурных странах Запада не нашлось, кажется, до сих пор зоила, который бы что-либо подобное выпалил о близких по духу, в том же ключе созданных стихах Киплинга, Эредии или Эспронседы (хотя у Киплинга отыскивались в Англии хулители и поносители; к числу самых из них ядовитых относится небезызвестный Орвелл).

"Русское Возрождение" № 40 украшают два чудесных стихотворения: "Сказание о черных ратниках" о Куликовом Поле (как ни странно, перепечатанное из советского журнала!) и ностальгическая "Родина" князя П. Шаховского. Прочитируем оба:

С верой в народ неослабною
Едут за князем вослед —
Рядом с Андреем Ослябею
Брат Александр Пересвет.

и:

В голубом сиянии вырастает
Берег. За кормой гремят моря.
Здравствуй,
Задумчивая, святая
Родина прекрасная моя!

В заметке О. Ильинского "Десятый съезд православной русской общественности" воспроизведены слова В. Ключевского: "Одним из признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения". Падение нашего народа было роковым и глубоким. Пожелаем ему счастливого и блистательного подъема!

"Cahiers du Vonde Russe et Soviétique", № 28 (2) трактуют более или менее исключительно о русской журналистике разных эпох. Сначала идут 2 неплохих работы по-английски: А. Кросса о деятельности Карамзина как журналиста и Н. Шлейфмана о "Северной Пчеле". Потом — 3 по-русски: А. Семчука о "Современнике", В. и Р. Сливовских о Герцене и С. Маркиша об еврейском журнале "Восход".

Семчук правильно отмечает (что почему-то редко делается) сильное влияние Лермонтова на кавказские рассказы Л. Толстого и справедливо защищает Марлинского и Лермонтова от упреков в якобы недостаточном знании Кавказа. Сливовские подчеркивают симпатию Герцена к Польше; но сами приводят его о ней совсем лестный отзыв: что он убежден "в совершенной неспособности, отсталости, тупости этой доблестной и глупой нации".

Остальное — менее интересно. Отметим впрочем, указание Л. Спиндлер-Трубецкой на растущий вес в русской подсоветской литературе пишущих по-русски нацменов.

И № 28 (3—4). Выпуск изобилует ценными материалами. Дж. Ле Донн детально изучает, иллюстрируя генеалогическими таблицами, состав правящей элиты, т.е. ведущих аристократических родов при Петре I и в период с 1725 по 1825 г., специально останавливаясь на их брачных связях с династией Романовых, Ж. Бонамур проникательно анализирует структуру "Героя нашего времени". Ф. Лесур резюмирует научную деятельность Д. Лихачева, приведшую к полной переоценке русской литературы допетровской эпохи.

Очерк по истории автономных территорий Сибири, составленный Б. Шишло, сильно портит его желчная русофобия. Собранные им факты, однако, весьма интересны. Он показывает, на базе данных, касающихся Бурятии, Хакасии, Якутии и Танну — Тувы, что численность в них коренных народностей не падает, а растет; и даже бурно. Тем не

менее, они никогда не составляют большинства, по сравнению с русскими. В катастрофическом положении находятся только некоторые мелкие племена, как шорцы и тофалары.

Местами автор впадает в явное противоречие с самим собой. Так, он желает показать, будто инородцы в течение гражданской войны целиком сочувствовали красным, и однако принужден признать, что, например, якуты активно помогали белым.

"Кадетская Переключка" №№ 42 и 43.

Одним из вопросов, подвергшихся живому обсуждению на 10-м кадетском съезде, имевшем место в Монреале, явилось отношение к двум советским романам И. Дорбы, "Белые тени" и "Под опущенным забралом", рисующим быт кадетов за рубежом и их участие в антибольшевистской борьбе. Тому же сюжету был в значительной мере посвящен и доклад В. Бодиско "Незамеченное поколение".

На серьезные размышления наводит следующий пассаж данного доклада про положение дел в 20-е гг. и далее: "Нужно признать, что молодежь уже отходила от самодержавных идей и от лозунга "За Веру, Царя и Отечество", хотя бы уже потому, что церковь разделилась на юрисдикции, Царя не было... а отечество стало анонимным Советским Союзом".

В силу чего зарубежные кадеты и бросились, в большом числе, в солидаризм, казавшийся и прогрессивным, и перспективным; это ведь был русский вариант фашизма, — а фашизм в тот момент находился на взлете. Но вот прошли годы, и что мы видим? В СССР бурно возрождаются те самые идеи, которые заграничная молодежь презирала и отвергала, — хотя им-то ее отцы ее и учили! Православная вера, любовь к отечеству, — которому все чаще дают прежнее имя **России**, — не суть ли сейчас доминирующие принципы идущего у нас в стране воскресения? И раз за разом взмывают над ним облики русских царей, особенно умученного красными злодеями последнего Государя с семьею. Вот и о причислении их к лику святых в эмиграции спорят, — а в России народ его давно признал (не об официальной Церкви, понятно, речь).

Сдается нам, те кадеты, о ком рассказывает Бодиско, поступили подобно Исаву, променявшему первородство на чечевичную похлебку! Ибо, какова бы ни была активность Н. Т. С., идеология, им исповедуемая, явно не пользуется популярностью в массах подсоветского населения. Бывают идеи вечные и нетленные, — и другие, которые, вспыхнув на миг, угасают, не оставляя следа...

Впрочем, то, что не все кадеты соблазнились энтээсовскими миражами, доказывается письмом в редакцию В. Плотникова, гласящим:

"Мы, кадеты русских кадетских корпусов за рубежом, просто не смеем подвергать критике священный девиз "За Веру, Царя и Отечество", и уж никак не на страницах нашего кадетского журнала. Более того, памятуя то, что с этим девизом на устах шли умирать на полях сражений наши славные предки, наши отцы и деды, и наши современники — кадеты, — он должен даже быть и девизом нашего кадетского журнала... Этот девиз учит нас и вмещает в себе "Все благородное: отвагу, доблесть, долг, лихую удаль, честь, любовь к отчизне славной, к великому Царю и Вере православной".

Присоединимся к протесту В. Матасова по поводу напечатания в "Новом Русском Слове" отзыва генерала Григоренко о добровольческой армии как о "белой сволочи". Вспоминаются мне, в этой связи, встречи, виденные своими глазами, в годы второй мировой войны и сразу после нее, в орбите Власовского Движения и в лагерях для перемещенных лиц: офицеры Белой и Красной Армии, оказавшиеся теперь в одном стане, с увлечением и безо всякой взаимной враждебности обсуждали боевые действия, иногда в одних местах, в коих участвовали некогда в качестве противников. Жаль, что генерал Григоренко не сумел подняться до моральной высоты, какую те люди проявляли как нечто само собою разумеющееся!

"Грани" № 146. Много внимания уделено Ленину. Н. Первушин как дважды два четыре разъясняет, что прадед Ильича, А. Бланк происходил из немцев, а по положению был российским дворянином из служилого класса. Но легко предсказать, что ему не поверят все те, для кого еврейское происхождение демонической фигуры вождя мирового пролетариата есть идеологическая потребность. Изучая предсмертную болезнь все того же В. И. Ульянова, др. В. Флеров мало добавляет нового к исчерпывающей информации собранной Н. Петренко в "Минувшем" № 2. Он, видимо, склоняется (в отличие от Петренко) к гипотезе о венерических корнях недуга; но серьезных аргументов не представляет; да и скорее допускает наследственный, чем приобретенный характер заболевания. Опять же, вопрос слишком политизирован для объективного исследования: одним надо верить, будто у Ленина был сифилис; другие не в силах подобной мысли допустить. Во всяком случае, Флеров констатирует, что медицинские анализы соответствующих бактерий в крови пациента не обнаружили.

Исследование М. Шнеерсон о стиле и творческих приемах А. Солженицына подобает признать образцовым, по научности метода, по ясности изложения и по беспристрастности подхода.

В отделе литературы поздравим журнал с

удачей. Мини-повесть А. Гранта "Заговор муз" увлекательна и оригинальна. Одна придирка: испанский акцент одного из главных персонажей больше похож на немецкий. Трогательный рассказ В. Муратовой "Дым Дымыч" очень мил. По своей несколько сентиментальной манере он отдаленно напоминает раннего Короленко или — тоже раннего — Сенкевича.

Труднее судить о напечатанных на почетном месте **отрывках из романа Б. Фалькова "Во сне земного бытия"**. Писатель то и дело приближается к основной теме, — возможно, — весьма интересной, — о нечистой силе, вампиризме, бесовщине; но так-таки прямо к ней и не приступает. Коробят некоторые искусственные выверты его слогах и появления реально существующих советских литераторов и музыкантов, под подлинными или слегка измененными именами; без этого лучше бы обойтись.

Стихи Ю. Кублановского, как всегда, представляют чувство, что в них чего-то не хватает. Талант, вроде бы, налицо, — но гармонии нет; нет того совершенства, которое неотъемлемо ото всех действительно хороших стихов.

Исторические материалы, заполняющие примерно 1/3 номера, составляют тяжелый и навряд ли нужный довесок.

"Вестник Р.Х.Д." №151. Открываем книжку с конца, и сразу — ожог! Некролог, с фотографией, стойкого антикоммуниста Д. Панина, и рядом, на странице напротив, — другой, такой же, советскому патриоту И. Кривошеину, высланному в свое время из Парижа в СССР, в качестве большевистского агента, за подрывную работу. То, что он позже вернулся в снисходительную Францию, — на родине ему не понравилось, — в наших глазах не делает ему чести: имел бы хоть стойкость в убеждениях!

Некрологи, руки Н. Струве, выдержаны в весьма разных тонах. Над Паниным он свысока трунит: "донкихотское начало в нем преобладало"... "он жил страстью победить мировой коммунизм"... Ужасно смешно, в самом деле! И вправду: в нашем современном мире, и на Востоке, и на западе, оставаться до гроба порядочным человеком — невыгодно и непрактично. Куда лучше быть приспособленцем: оппортунистам — везде дорога и почет; им жить легче и веселее. Только мелкотравчатая эта мораль и удобная философия для нищих духом мечан; и отнюдь не евангельская.

Наоборот, Кривошеин именуется тут **рыцарем духа (!)**. Воспеваются с жаром его "светлость и скромность". Подразумевается мягкий упрек французскому правительству, обидевшему такого прекрасного человека. Правда, И. Кривошеин был крупный масон;

но является ли это заслугой с христианской точки зрения?

Перелистнем страницу назад. Подобный же дифирамб возносится К. Шевичу, младороссу, ставшему затем совпатриотом и, сделавшись священником, одним из столпов советской церкви во Франции, подведомственной патриарху Московскому. Мы не судим пастырей в Советском Союзе: у них выбора нет. Но в свободном мире, добровольно подчиняться юрисдикции, закабаленной коммунистическим режимом, не значит ли становиться на сторону зла против добра, согласно страшной формуле сатанистов! "Evil, be thou my good"? Шевич, многократно ездивший в СССР на инструктаж, без сомнения, находился в курсе всего; знал, что творит и кому служит...

И людей, как Кривошеин и Шевич, Н. Струве, в общем для своих заметок заглавлив, называет **праведниками!** Пусть он так смотрит; но уж объединять их в одну группу с Д. Паниным не следовало никоим образом. А то, можно подумать, что он действует в духе Ф. Сологуба:

И Господа, и Дьявола
Равно восславлю я!

Чем были советские патриоты в послевоенные годы в Париже мы, выжившие остатки второй волны, не забудем никогда. Опыненные мощью стоявшей за ними советской власти, они не только над нами, беглецами из красного ада, безжалостно глумились, затыкая нам рот, дабы мы не свидетельствовали об истине, но и активно предавали нас — при попустительстве в тот момент французов, — в руки большевистской репатриационной миссии. Велика будет кровь и слезы простятся! Полномочен ли "Вестник Р.Х.Д." их без малого присчислять к лику святых?

В литературном отделе хороши стихи Р. Запесоцкой, особенно первое из них, начинающееся строками:

Душа моя всегда ждала
Тот дивный час,
Когда звонят колокола,
Как Божий глас.

Из двух статей, перепечатанных из Самиздата, превосходны "Подвальные очерки" поэтессы А. Герцык, о зверствах большевиков в первые послереволюционные годы. Напротив, весьма слаба неприятно претенциозная статья Г. Васюточкина "Любовь у зрелого Ходасевича". В начальных уже абзацах, он, обозревая взгляды на любовь различных поэтов, изрекает следующее: "Для Гумилева "любовь — нечто факультативное, хотя и часто испытываемое" (!). В подтверждение, Васюточкин цитирует чудные стихи, говорящие о том, что бывают положения, когда надо от любви отказаться ради долга или

для сохранения собственного достоинства:

И уйти, и не возвращаться больше...

Критик ничего, ну вовсе ничего не понял! И какая же **факультативность** в чувствах поэта, писавшего, например:

Неизгладимы, нет, в моей судьбе

Твои глаза и смелый рот девический,
или даже вздыхавшего, что он из-за любви настолько тяжело страдает, как если бы:

В жизни предыдущей

Он зарезал и отца, и мать.

Право, автора таких стихов скорее бы можно было упрекнуть в фатализме и даже в вере в предопределение, чем в волюнтаризме!

На сходном уровне мысли обсуждаются дальше Ходасевич и другие; но мы уже это разбирать не будем.

Вплотную Гумилеву посвящено эссе И. Мартынова "Киплинг и Гумилев — поэты двух империй". Но, увы, мы тут находим нечто вовсе иное, чем обещает заглавие: исследование переводов стихов Киплинга по-русски и статей о Киплинге по-русски и статей о Киплинге в советское и отчасти в дореволюционное время. А ведь интересно бы установить именно разницу в психологии англичанина Киплинга и русского Гумилева! Мы бы имели тогда случай обнаружить, что Гумилев прежде всего и всегда христианин; чего о Киплинге никак не скажешь.

Трудно нам разделить убеждение Мартынова, будто Гумилев не знал поэзии Киплинга. Он ведь мог ее читать не только по-русски, но и в подлиннике. Наивно предполагать, что он из английской поэзии только и знал Шекспира: он переводил Кольриджа, у него заметно влияние Блейка и других британских поэтов. Впрочем, в данном пункте, Мартынов сам себя и опровергает, отмечая внимание Гумилева к русским переводчикам Киплинга. Что он Киплинга не называл в числе своих учителей, — тому разные могли иметься причины. В том числе и та, что его могла отталкивать острая враждебность этого последнего к России.

Есть нечто глубоко антипатичное в назойливом подчеркивании Мартыновым принадлежности обоих поэтов к масонству. О

Киплинге оно достоверно; о Гумилеве же ничем не доказано и психологически мало-правдоподобно.

Nota Bene. Читатель может нас упрекнуть, что чересчур много места в "Обзоре" отведено Гумилеву. Но это не наша вина (хотя мы и убеждены, что Гумилев есть один из самых великих поэтов России). Мы лишь отражаем тот факт, что о нем стали сейчас очень громко говорить в эмигрантской прессе. Забавно, что она словно бы ждала появления Горбачева, чтобы заняться поэтом-антикоммунистом, казалось бы, близким русскому Зарубежью по духу.

О статье И. Мейендорфа "У истоков зарубежного раскола", полной злобных выпадов против нелюбимых ему "карловчан", скажем только, что она, безусловно, не будет содействовать ни взаимному пониманию, ни тем более примирению враждующих юрисдикций. За одно его поблагодарим от души: он приводит (в сноске) замечательные провидческие слова митрополита Антония (тогда еще архиепископа), сказанные в 1911 г. о монархии: "В случае ее колебания, русский народ будет несчастнейшим из народов, поработенный уже не прежним суровым помещиком, но врагом всех священных ему и дорогих ему устоев его тысячелетней жизни, которые отнимут у него возможность изучать в школах Закон Божий и кончат тем, что будут разрушать святые храмы и извергать мощи угодников Божиих, собирая их в анатомические театры". Так все и сбылось... Бог глагольствовал устами святого человека, предостерегая нас; но мы не услышали!

Относительно статьи Н. Художниковой "О судьбах Зарубежной Церкви", сделаем одно маленькое замечание. Она упрекает Синод в равнодушии к участи о. Д. Дудко, о. Г. Якунина и других страдальцев за веру в СССР. Между тем, я сам когда-то присутствовал в синодальной церкви на улице Клод Лорен в Париже на торжественном молебне "за священников исповедников", с поименным перечислением именно этих лиц, вместе с другими подобными им. А служились ли аналогичные молебны в церквях Константинопольского Экзархата, не берусь сказать.

Валентин ЗАРУБИН

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ КНИГА РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ-МОНАРХИСТА ИЗ СССР

Олег Волков. "Погружение во тьму". Издательство "Athenum", Париж 1987 г.

В последние десятилетия вышло столько книг о советских лагерях, что казалось бы, больше ничего нового, интересного на эту тему написать нельзя. Но вот перед нами воспоминания о пережитом, почти на пять

сотен страниц, 87-летнего литератора, члена советского Союза писателей Олега Васильевича Волкова "Погружение во тьму".

Писатель — ровесник века — февральскую революцию и октябрьский переворот пережил

сознательным юношей, посещавшим знаменитое Тенишевское училище, где он был одноклассником В. Набокова.

Происходя из хорошей русской дворянской семьи (отец его был помещиком и директором правления крупнейшего Русско-Балтийского завода, выполняющего военные заказы), Волков получил блестящее образование. Кроме изучения латыни и древнегреческого, он знал в совершенстве французский, немецкий и английский языки, что ему в советское время спасло жизнь и дало возможность пережить почти что три десятка лет в советских тюрьмах, лагерях, ссылках...

Против советской власти Волков не сделал ничего, все его "преступление" состояло в том, что он был не рабоче-крестьянского происхождения. Его "погружение во тьму" кончилось в 56-ом году: тогда он был реабилитирован. Тогда и началась его литературная деятельность. Он написал сотни рассказов, повестей, очерков, эссе... Не меньшую известность принесли ему переводы Боннара и Золя, Ренуара и Бальзака...

Он выпустил несколько книг: "Чур, заповедано", "Из истории московских улиц", "Все в ответе"...

Но Олег Васильевич считает, что, несмотря на издание нескольких его книг, главная его деятельность состоит в участии в движении в защиту природы.

Не удивительно и то, что его подпись красуется среди достойнейших писателей, которые подписали "Открытое письмо искусствоведам Никите Воронову и жюри конкурсных проектов главного монумента памятника Победы" — в защиту русских культурных ценностей.

Писатель помнит еще тот день, когда он, окрыленный публикацией "Ивана Денисовича", положил на стол Твардовскому свою повесть "Под конем". — Ну вот, — сказал, прочтя рукопись, Александр Трифонович, — закончу публикацию Солженицына, напечатаю и вас. Только не сразу, а то обвинят в направлении...

Но оттепель прекратилась раньше, чем ожидал редактор "Нового мира". "Погружение во тьму" написано тем русским литературным языком, на котором до революции говорили образованные русские люди.

Несомненно, место Волковых было бы в эмиграции, но по оплошности отца, не желавшего покидать любимую Россию, они остались, о чем потом все крепко жалели. А в первые годы после революции у семьи была возможность покинуть страну.

В книге Олег Волков неоднократно упоминает, что все его симпатии, по сегодняшней день, принадлежат идее императорской России. Он оставался все время глубоковерующим православным христианином, русским мо-

нархистом. В его семье исповедовался так же добротный российский либерализм, что не мешало считать служение старым порядкам выполнением патриотического долга и укреплением законности, преграждавшим путь к анархии и беспорядкам. Изучая иностранные языки, молодой Олег углубился в латинскую грамматику, а его брат-близнец Всеволод увлекся живописью, стал посещать студию Рериха, желая поступить в Академию Художеств.

Но в советское время такой семье было весьма трудно: как и значительная часть старой русской интеллигенции, они более всего ценили непогрешимое человеческое достоинство, право свободно мыслить.

Но его первое заключение оказалось счастливым. Он попал под опеку тоже заключенного корнета, кавалера Георгиевского Креста, Осоргина, убежденного монархиста, преданного памяти истребленной Царской Семьи. Отправлены они были на острова Соловецкого монастыря.

Первое, что автора потрясло, была его встреча со стойкими азербайджанскими националистами-муссаватистами. Стойкие борцы, непримиримые враги советской власти они не захотели подчиняться издевкам лагерного начальства. Они не захотели работать. Даже начальник лагеря Эйхманс не сумел их заставить. Многие из них были расстреляны, другие погибли от болезней и голодовок... Брат Всеволод, другие родственники и многочисленные друзья помогали, как могли, автору. Благодаря Всеволоду, лагерь был вскоре для него заменен ссылкой. Произошло это из-за заступничества Михаила Калинина и его секретарши, которые были знакомы с семьей Волковых.

Провидение спасло его от массовых расстрелов, которые были произведены на Секирной горе. Расстреляны были, в первую очередь, "бывшие", категория под которую подпадал и автор, а "социально-близких" уголовников в ту пору еще не трогали. Погибли многие друзья Волкова, и добрый, всем помогавший Георгий Осоргин.

Но на "свободе" оказались и такие лица:

"Помню однажды, в тесном, отчасти родственном кругу, не веря ушам своим, слышал, как пожилой профессор, известный классик и переводчик — побывавший, кстати, в ссылке и потерявший брата в лагерях, — веско высказывал соображения о спасительности однопартийной системы и опасностях демократической многоголосицы. Он вполне серьезно ссылался на наши "свободы" и намордники, надетые на трудящихся в странах капитала!

Оспаривать эти чудовищные для меня "истины" было бесполезно: такой образ мыслей сделался частью мировоззрения. Тще-

тно было бы взывать: "Очнись! Вглядишься во все вокруг — где хоть проблеск свободной мысли? Намек на справедливость, раскрепощение, исправление нравов? Решись, отважься, откажись от добровольно надетых шор, дай себе волю судить непредвзято!" К моему ершистому инакомыслию относились снисходительно, осуждали мягко, со скидкой на пережитое: человеку-де досталось, пусть и несправедливо (впрочем, находились упрекавшие меня за непокорный нрав!), он поотстал от современности, судит по временным недочетам, частности застопорили ему главное..." (стр. 93—94).

Выйдя на свободу, Олег Волков поспешил поехать к сестре Наталье, которая тогда с мужем, князем Кириллом Голицыным, проживала в Ясной Поляне. Там автор познакомился с замечательной женщиной — Александрой Львовной Толстой, которая посвятила свою жизнь помощи бедным, угнетенным и преследуемым властью людям. О дальнейшей святой деятельности Александры Львовны десяткам тысяч эмигрантов известно. Она — основательница действующего по сей день **Толстовского фонда**.

Автор был связан родственными и дружескими связями с людьми, которых он описывает так:

"Тогда такие русские люди причеховской формации — честнейшие, образованные — еще не вымерли. И как раз наступило время тяжкого прозрения, пробуждения от баюкающего сна. Эти милые, благородные и деликатные, искренние радетели за народ, за достоинство и права человека начинали в глубине сознания понимать, что, расшатав старые устои и пытаясь осуществить мерещившиеся им призраки равенства и свободы, они помогли затащить страну в великую пропасть. Наивные, прекраснодушные российские интеллигенты! Они полагали, что стоит покончить с царским престолом, как сразу устроится земной рай, воцарятся справедливость и правда..." (стр. 106—107).

Но вскоре, чего и надо было ожидать, Волкова снова арестовали. Ему хотели "пришить" шпионаж, вспоминая его деятельность переводчиком в греческом посольстве в Москве. Был арестован и брат Всеволод.

В эту пору автор наблюдал массовые аресты и дикие избиения крестьян, которых миллионами, как кулаков и середняков, гнали на дальний Север, часто на смерть.

Вскоре брат Всеволод был освобожден, а Олег Волков получил второй срок. Его снова везут на Соловки с массой крестьян, обездоленных, не пожелавших идти в колхозы.

"Именно в те годы, когда началось истребление здорового ядра нашего крестьянства, завершившееся полным крушением

русской деревни, она понесла непоправимый урон, оказавшийся для нее роковым. Российское земледелие было подсечено под корень. Может быть, навсегда" (стр. 146).

Так он узнает подтверждение смутным слухам о массовых расстрелах на Соловках. Все знакомые и друзья погибли.

Ему посчастливилось. Один из начальников использовал Волкова в качестве репетитора немецкого языка для его детей. Потом ему удалось попасть на ферму редких пушных зверей, которые разводились под управлением весьма порядочного заключенного Каплана, который стал помогать Волкову. Кроме того, у них была общая любовь к английским классикам и языку.

Но скоро в лагерях стала появляться и интеллигенция, особенно техническая, уже послереволюционной формации. Это были люди новой Совдепии, которым были непонятны настроения тех, кто почитал октябрьскую революцию крушением России, а выкорчевывание Православия — сталкиванием русского народа в пропасть одичания и бездуховности. Еще раз удалось друзьям и секретарше Калинина спасти Волкова, его освободили и послали в ссылку в Архангельск.

Здесь ему посчастливилось познакомиться с известным хирургом профессором графом Войно-Ясенецким, он же православный епископ Самаркандский Лука. Владыка, тоже в ссылке, появлялся в больнице — высокий, величественный, в рясе до пят и в монашеской темной скуфье. Об этом святом человеке ходили и тогда легенды.

Но скоро Волков в Архангельске снова был арестован по доносу. Его присудили к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет как "социально-опасный элемент".

Снова лагеря. 1937 год. Автор рассуждает: "Нет, не утешает сознание, что с 1937-го года одни палачи стали уничтожать других. Пусть тот же Аустрин и тысячи других чекистов погибли в ими же учрежденных застенках. Эта кровь не сможет искупить те миллионы и десятки миллионов жизней вполне невиновных людей, каких руками аустриных истребила трижды проклятая сила, прикрывшаяся знаменем "диктатуры пролетариата". И когда сейчас, в конце семидесятых годов, с высоких трибун и в партийной печати заговорили о нравственности и морали, чуть ли не о любви и человеческом сочувствии — милосердии! — я вспоминаю, переживаю заново... И режет слух лицемерный лепет. То — очередной прием, призванный ввести в заблуждение, прикрыть овечьей шкурой неслабющую готовность подавлять, уничтожать, убивать, если только возникнет и тень угрозы этой диктатуре — уже не

пролетариата, так теперь стесняются говорить, а подменившей это понятие власти кремлевской олигархии" (стр. 239).

Главным виновником зла Волков считает Ленина, который первый применил до того неслыханный террор, пооткрывал лагеря.

Арестовывается и его брат. Во время войны Всеволод подает прошение в армию. Ему это разрешают. На фронте он погибает.

Олегу Васильевичу, не совершившему никакого преступления, пришлось просидеть в тюрьме, лагерях, ссылках всего 28 лет, пока его не реабилитировали.

Просветами его жизни оказались госпитали, клиники, где он лежал с горловой чахоткой и с острой дистрофией, с болезнями, в те времена неизлечимыми.

Олег Васильевич Волков в свои 87 лет, несмотря на все пережитое, состоит в неофициальных патриотических обществах, переводит, пишет, активен и бодр. Он в своей жизни никогда не пил спиртного, он поборник трезвости. По убеждению остался умеренным монархистом! Бескомпромиссный враг коммунизма! О сегодняшнем дне он пишет:

Редакция считает книгу О. Волкова очень ценной и в последующих номерах намерена напечатать несколько выборов из нее.

"Подорванное хозяйство еще может быть восстановлено разумными мерами. Неизмеримо страшнее выглядит разрушенное моральное здоровье нации, обесцененные нравственные критерии. Длительная десятилетиями пропаганда, направленная на искоренение принципов и норм, основанных на совести и христианских устоях, не могла не разрушить в народе самое понятие добра и зла. Проповедь примата материальных ценностей привела к отрицанию духовных и пренебрежению ими. Отсюда — неизбежное одичание, бездуховность, утверждение вседозволенности, превращение людей в эгоистических, утративших совесть, неразборчивых в средствах искателей легкой жизни, не стесненных этическими и моральными нормами" (стр. 441).

Книга "Погружение во тьму" была написана в 1977–79 годах. Выйти в свет смогла только сейчас в Париже.

Можно считать чудом, что до наших дней дожил человек с такими устойчивыми моральными качествами.

Многая лета большому мастеру!

ВЫСТУПЛЕНИЕ И. В. ОГУРЦОВА

Игорь Вячеславович Огурцов был, как известно, председателем ВСХСОН. После разгрома этой организации и ареста ее членов И. В. Огурцов был осужден на самый большой срок. Несмотря на усилия разных организаций на Западе, он отсидел полный срок, 20 лет в тюрьмах, лагерях и ссылках. В конце ноября 1987 г. И. В. Огурцов был, наконец, выпущен на Запад. 29 ноября он прибыл в Вену и 30 ноября в Мюнхен, где пока и находится.

26 января 1988 г. И. В. Огурцов выступил перед студентами семинара проф. политических наук В. А. Пирожковой в Мюнхенском университете. Выступление состоялось в форме беседы, студенты задавали вопросы, а И. В. отвечал. Переводила с немецкого на русский и обратно В. А. Пирожкова.

Основные мысли И. В. Огурцова можно свести к следующему. ВСХСОН была и есть (и теперь имеются в СССР ее последователи) христианской и социальной организацией. Она стремится построить жизнь в Российском государстве на основах христианства, свободы и социальной справедливости, поскольку она в земной жизни осуществима. ВСХСОН предпочитала бы достигнуть своих целей мирными средствами, но она не отвергает полностью идеи вооруженной борьбы.

Одно несомненно: тот режим, та идеология, которые довели страну до такого положения,

в котором она находится теперь, не могут ее спасти. Сначала необходимо устранение этого режима, преодоление господствующей идеологии. Повторяем, ВСХСОН предпочитало бы мирные средства, но не исключает и вооруженной борьбы. Право на нее И. Огурцов подтвердил цитатами из учения о праве сопротивления одного из отцов Церкви, именно Фомы Аквината, и из Манифеста американской независимости.

В СССР происходят сейчас, по мнению И. Огурцова, интересные события. Он даже почти пожалел, что именно теперь пришлось отсюда уезжать. Перестройка и гласность расшатывают до известной степени устойчивый тоталитарный режим. Но этот режим не может допустить, чтобы это расшатывание зашло слишком далеко, т. к. тогда он может рухнуть. В какой-то момент режим будет вынужден снова притормозить. И. Огурцов думает, что если расшатывание пойдет достаточно далеко, то момент торможения как раз и окажется той революционной ситуацией, когда может возникнуть борьба против режима. Поверившие в коренные изменения и уже привыкшие к некоторому ослаблению люди не потерпят нового зажима. Важно, однако, чтобы расшатывание зашло достаточно далеко. Если затормозят слишком рано, то может ничего не произойти, и режим опять

укрепится на какое-то время.

Спрошенный о том, как будут вести себя отдельные национальности, И. В. ответил, что теперь они должны были бы сотрудничать для свержения режима насилия. Потом можно было бы обсудить все национальные проблемы и разрешить их на основе свободного волеизъявления народов.

Спрошенный, не является ли политика Горбачева по отношению к Западу попыткой пустить ему пыль в глаза, чтобы при удобном случае продвинуть коммунизм в индустриальные страны Зап. Европы и тем самым укрепить его внешним завоеванием (возможно, и мирным путем), И. В. ответил, что такая опасность существует, но он, видимо, не придавал ей большого значения. Общее впечатление было, что И. В. настроен оп-

тимистически и ожидает положительных сдвигов внутри страны, но не от власти, а от народного движения, которое теперь уже не замрет.

Спрошенный о неофициальном объединении "Память" И. В. ответил, что слишком мало о ней знает, но что все эти неофициальные или полулегальные объединения и группы находятся сейчас еще в хаотическом состоянии, в них действуют разные, иногда противоречивые силы, так что надо подождать и посмотреть, что выкристаллизуется.

Интерес немецких студентов был большой. Когда зал, где происходило выступление, понадобился для другого семинара, часть перешла в меньший, но свободный зал, и беседа продолжалась.

ПРОЖЕКТОР

Мы хотим начать в нашем журнале небольшой информативный отдел, где будем направлять луч нашего прожектора на те или иные события, которые в наших глазах заслуживают внимания. Конечно, мы не обещаем всестороннего освещения текущих событий, это будут именно вырванные из темного фона и освещенные на какой-то момент прожектором происшествия.

Мы предлагаем нашим сотрудникам и нашим читателям принять участие в "Прожекторе" и присылать нам краткую информацию о событиях, обративших на себя их внимание.

В нашей первой пробе мы фиксируем события, происшедшие до или в самый день отправки в типографию последнего журнального материала, т. е. 1 мая 1988 г.

Редакция

В этом году 1 мая прошло в Польше беспокойно. Нова Хута, промышленный город, построенный коммунистами, бастует шестой день. Кстати, коммунисты в свое время объявили, что это будет новый прогрессивный город без церкви. Тогда приехало духовенство и каждое воскресенье, все равно при какой погоде, устраивало богослужения на главной площади, под открытым небом, и площадь вся была забита молящимися. Коммунистические диктаторы сдались, и в Новой Хуте была построена церковь.

Теперешнюю забастовку никто не организовывал. Солидарность даже отнеслась к ней больше, чем сдержанно. Но потом ей ничего другого не осталось, как солидаризироваться с бастующими. Забастовки — это ответ на очень тяжелое положение населения как с продуктами, так и с другими предметами первой необходимости. Немало больных умирает, потому что не достать необходимых лекарств. Иногда нельзя оперировать из-за отсутствия ниток, необходимых для внутренних швов. Ярузельский грозит применить к бастующим силу. 1 мая уже были столкновения рабочих с полицией. Варшава напоминала город на осадном положении, столько туда было стянуто войск и, особенно, частей польского КГБ.

В Восточном Берлине демонстрации проходили тоже под усиленной охраной частей безопасности и войск. Были и там столкновения. Власти больше всего боялись, что диссиденты развернут плакаты — как это было в январе этого года при праздновании юбилея Карла Либкнехта и Розы Люксембург — со словами последней: "Свобода — это всегда свобода инакомыслящего". Роза Люксембург в жизни поступала не соответственно этим своим словам, но она это сказала, и диссиденты используют ее слова, к великому неудовольствию коммунистов. Так что обычные принудительные демонстрации проходили на этот раз откровенно принудительно: под надзором сил госбезопасности и войск.

Последнее время идет массовое бегство из Румынии венгерского меньшинства в Венгрию и отчасти в Австрию. Венгерское меньшинство в Румынии не хотело покидать насиженных мест, зная, что если они уйдут, то вернуться уже вряд ли придется: местности, где они жили, заселят румынами. Но теперь Чаушеску, последний сталинист Восточной Европы, довел Румынию, как говорится, до точки. Люди голодают в прямом смысле этого слова. Бежали бы и сами румыны — да куда? Меньшинствам же еще приходится

терпеть, кроме общего угнетения, специфическое угнетение их культуры и обычаев. Они предпочитают из двух зол меньшее, хотя и в Венгрии коммунизм, но не такой свирепый, как в Румынии. Это, кажется, первый случай массового бегства из одной коммунистической страны в другую, тоже коммунистическую.

В Гамбурге существует улица, носящая название Хавенстрассе, т. е. Гаваньская улица. Она стала знаменитой. На этой улице дома должны были быть снесены и построены на их месте новые, более комфортабельные. Но прежде, чем это произошло, дома захватили в свои руки так называемые "хаузбездетцер", т. е. "оккупанты домов", революционеры, анархисты и другие хаотические элементы. Город долго думал, что делать? В ноябре прошлого года красный барон фон Донани, правящий бургомистр города-земли Гамбурга из партии социал-демократов, вместе со своим коалиционным партнером из партии свободных демократов, тоже бароном, фон Мюнхом, решили предложить насильникам этой улицы договор, согласно которому они могут остаться жить, но должны платить минимальную квартирную плату, платить за электроэнергию, газ, воду и снять баррикады, которые они построили вокруг квартала, предполагая штурм полиции. Захватчики домов согласились и подписали договор. Тогда всюду превозносили фон Донани за то, что он сумел так усмирить этих бунтовщиков. Но вот прошло почти полгода, и об этой улице снова заговорили. Оказалось, что захватчики и не думают выполнять условий договора. Баррикады они, правда, сняли (но их никто и не думает штурмовать), но ни за квартиры ни за электричество, газ и воду они не платят. Однако их не отключают, так

что энергию фактически оплачивает остальное население из своих налогов. Зато владельцам собак город повысил налог на собак в четыре раза.

Но это не все. Хавенстрассе пользуется правом экстерриториальности. Полиция туда входить не смеет. Перед входом в квартал стоят дощечки с надписями, что здесь кончается правовое государство. Стены домов испещрены серпами и молотами, да еще вызывающими надписями, гласящими, что это только начало и что они распространят свою власть на всю федеративную республику. Воры и торговцы наркотиками, за которыми гонится полиция, стараются только добраться до этой улицы, где власть правового государства кончается. Если полицейские в пылу погони решаются переступить эту границу, то преследуемые полицией преступники громко зовут на помощь, и сразу появляются маскированные типы с камнями и "молотовским коктейлем" (бутылки с взрывчатым веществом). Полицейским приходится плохо. Недавно были тяжело ранены 5 полицейских. Полицейские лежат в больнице, но преступников никто не ищет: Хавенстрассе — область бесправная в том смысле, что в отношении ее обитателей гражданское право аннулируется. Бургомистр и сенат Гамбурга все это допускают. Полиция негодует, но бессильна. Жители недовольны, но... на следующих выборах, вероятно, снова отдадут свои голоса преимущественно социал-демократам. Экстерриториальная область Гамбурга, населенная бандитами и потенциальными революционерами, видимо, останется в неприкосновенности. Правительство республики молчит. Ведь один из баронов, допускающих все это, принадлежит той партии, которая входит и в Боннскую коалицию.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемая Вера Александровна!

Обычно с большим интересом читаю "Обзор зарубежной печати" В. Рудинского. В большинстве случаев я соглашался с его мнениями, а если и не был согласен, то не считал нужным вступать в полемику. Так было до №48 "Голоса Зарубежья".

Одобрение В. Рудинским статьи П. Буткова в 116 "Зари", в которой, по словам В. Рудинского, "в некрасивом свете встает деятельность энтэсовцев, старавшихся сохранить власовцев в виде военных частей, в надежде их использовать как козырь при сношениях с англо-американскими победителями (все эти планы оказались суетными), и потому мешавших распылению бойцов, — единственному средству их спасения, вызывает с моей стороны категорическое возражение. Вероятно, В. Рудинскому неизвестна моя книга "Новопоколенцы". А в ней, на стр. 235–236 трагедия Платтлинга нашла свое правильное освещение:

"Ужасы Платтлинга напоминают об ужасах выдачи англичанами казачьего корпуса в Лиенце. Та же страшная трагедия и кровь, кровь, кровь."

В центре НТС в Менхегофе оценка положения в этот момент была правильной. Бадалаков, завязав секретную переписку с Меандровым, убеждал его распустить власовцев и бежать самому. Целая группа членов НТС была подготовлена для оказания помощи при бегстве, с готовыми на этот случай документами, штатскими костюмами и продуктами питания. Но

Меандров верил в близость перемен, эту веру в нем поддерживал А. С. Чекалов, помощник Тензорова в Отделе безопасности РОА, до войны майор пограничных войск. Близкий к Меандрову член НТС и бывший белый офицер Борис Георгиевич Андриевский не смог преодолеть влияния Чекалова, который не раз убеждал Меандрова в тщете надежд. В день выдачи Меандров пытался покончить самоубийством, перерезал вены, но его 'спасли' для выдачи СССР, где он погиб от руки сталинских палачей".

К этому необходимо добавить, что сам Чекалов не оказался в числе выданных и после выдачи обосновался в Мюнхене. Летом 1947 года он был арестован американцами в Мюнхене, его обвинили в шпионаже в пользу советов. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Нужно отметить еще тот факт, что генерал-майор М. А. Меандров, сам член НТС, принял в Союз сомнительного по прошлому майора погранохраны Чекалова. Вот в отношении этого "энтэзсовца" П. Бутков совершенно прав, он-то и влиял на генерала в нужном для чекистов направлении. И никаких "суетных планов" сохранения власовских частей у тогдашнего председателя НТС В. М. Байдалакова не было, да и не могло быть.

В заключение еще одна деталь: штатский костюм для Меандрова привез племянник моей жены, недавно скончавшийся в Австралии, эмигрант 40-х годов.

Уважающий Вас

Б. Прянишников, член КОНР
Силвер Спринг, 23 апреля 1988 г.

Должна ответить, что у меня, как у живой свидетельницы, создалось впечатление, что НТС как организация (я не говорю об отдельных членах НТС) играла не слишком хорошую роль, и именно в смысле внушения власовцам, что западные союзники их переймут, т. к. настоящая борьба против коммунизма еще впереди и будет вестись западными демократиями. Я этой проблемы не изучала и подчеркиваю, что говорю только о **впечатлении** наблюдателя того времени. Я не была знакома с Байдалаковым и не общалась с руководителями НТС, и я нисколько не сомневаюсь в том, что пишет Б. Прянишников о Байдалакове, Андриевском (которого я немного знала) и других. Но видимо, на периферии организации было не так мало людей, которые своими разговорами при одновременном подчеркивании их принадлежности к НТС создавали впечатление, что линия НТС именно такая, как пишет П. Бутков.

В. Пирожкова

ИНФОРМАЦИЯ

7 мая 1988 г. в местечке Платтлинг, в Верхней Баварии, на берегу Дуная, состоялась встреча в память и в честь власовских солдат, которые в феврале 1946, в так называемое "кровавое воскресенье", были выданы американцами смершу. В память сотен солдат Русской Освободительной Армии (РОА), покончивших с собой, чтобы избежать выдачи, на кладбище была открыта мемориальная доска, чтобы это трагическое событие не было предано забвению. Присутствовало много гостей из Германии и из-за границы.

После панихиды по генералу Власову и его солдатам 95-летний полковник Кромиади, один из немногих соратников генерала, оставшихся еще в живых, напомнил в волнующей речи о короткой трагической истории РОА. После него говорил бывший духовник ген. Власова о. Александр Киселев, он подчеркнул, что встреча не носит политического характера и что не месть и возмездие, но прощение и примирение должны быть темой этой встречи*.

На встрече присутствовали два представителя городского управления Платтлинга. Сам бургомистр не присутствовал, т. к. он боялся, как он потом сам признался, демонстраций протеста. Но их не было. Из опасений иностранного вмешательства город Платтлинг даже попросил Баварское правительство утвердить разрешение на эту встречу. Такое утверждение было дано. Представитель городского совета сказал после встречи, что более молодые жители города не имеют ни малейшего понятия о том, какая трагедия разыгралась в свое время в их городке.

*Призывать к мести, конечно, было не нужно. Тем более этого не мог делать священник. Но мы думаем, что о. Киселев мог бы выразить протест против **современных** выдач бывших борцов против коммунизма в СССР американской юстицией, сотрудничающей с КГБ. *Прим. ред.*

Сообщаем, что по ошибке типографии выпала часть перечня книг из рецензии протоиерея Д. Константинова, опубликованной в прошлом номере журнала.

В издательстве "Третья волна" вышла из печати книга

**Д. Штурман
"ГОРОДУ И МИРУ"**

— анализ публицистики А. И. Солженицына, 432 стр.

В книге проанализированы публицистические выступления Солженицына до его изгнания из СССР и после него, его отношение к социализму, коммунизму и демократии, к Западу, к будущему своей страны и мира, его позиция в национальном вопросе, его взаимоотношения с некоторыми течениями диссидентства.

Книгу можно заказать по следующим адресам: 1) Mr. Alexandre Glezer (c/o Marie-Therese de Foras) 215, rue du Faubourg St. Honore, 75008 Paris, France; 2) Mr. Alexandre Glezer, 286 Barrow Str, Jersey City, N. Y. 07302, USA

Цена книги 25 долларов

НОВАЯ КНИГА,
посвященная 1000-летию Крещения Руси и Русского народа,

**ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ**

Сборник избранных национально-патриотических статей из двенадцати периодических эмигрантских изданий. 293 стр., 27 н. м., 16 ам. долл.

Заказывать у автора: V. Zarubin, Leopoldstr. 69, 8000 München 40, West Germany

Издательством "Поиски" переиздана книга незаслуженно забытого крупнейшего
русского ученого-экономиста Б. Д. БРУЦКУСА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Теоретические мысли по поводу русского опыта

с предисловием, комментариями и послесловием В. Сорокина и Д. Штурман, пояснительной статьей
лауреата Нобелевской премии по экономике Ф. А. Хайека и др. материалами.

Цена книги 72 фр. фр. Чеки направлять по адресам:

1) Victor Sorokine — 5, bd. de la Gare, 94470 Boissy-St.-Léger, FRANCE, и S. Tictin — Greenspan Str., 12/6,
Misrahk Talpiot 422, Jerusalem 93802, ISRAEL

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

